„НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ"

Проф. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ".
Н. А. СТОЛЛЯР—МОСКВА, 1925

Проф. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ

Перевод со 2-го немецкого издания
под редакцией и с предисловием
Л. С. ВЫГОТСКОГО и А. Р. ЛУРИЯ
с вступительной статьей
д-ра М. В. Вульф.

Кн-во „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“.
Н. А. СТОЛЛЯР—МОСКВА, 1925

Главлит № 37.457. Тираж 3.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

I.

Freud принадлежит, вероятно, к числу самых бесстрашных умов нашего века. Эта добродетель всегда почиталась скорее достоинством практического деятеля, чем ученого и мыслителя. Чтобы действовать, нужна смелость; оказывается, нужно еще неизмеримо большее бесстрашие, чтобы мыслить. Столько половинчатых умов, робких мыслей, неотважных гипотез встречаешь на каждом шагу в науке, что начинает казаться, будто осторожность и следование по чужим стопам сделались чуть ли не обязательными атрибутами официального академического знания.

S. Freud выступил сразу, как революционер. Та оппозиция, которую вызвал против себя психоанализ в кругах официальной науки, непререкаемо свидетельствует о том, что здесь были дерзко нарушены вековые традиции буржуазной морали и науки, и сделан шаг за границы дозволенного. Новой научной мысли и ее создателям пришлось пережить годы глухого от'единения; против нового учения поднялась в широких кругах общества активнейшая вражда и открытое сопротивление. Сам Freud говорит, что он „принадлежит к тому сорту людей, которые, по выражению Hebbel'я, нарушили покой мира“. Так оно и было в действительности.

Шум, поднятый вокруг нового учения, постепенно улегся. Ныне всякая новая работа по психоанализу не встречает такого враждебного приема.

Мировое признание, если не вполне, то отчасти, сменило прежнюю травлю, и вокруг нового учения создалась атмосфера напряженного интереса, глубокого внимания и пристального любопытства, в котором не могут отказать ему даже его принципиальные враги. Психоанализ давно перестал быть только одним из методов психотерапии, но разросся в ряд первостепенных проблем общей психологии и биологии, истории культуры и всех так называемых „наук о духе“.

В частности, у нас в России фрейдизм пользуется исключительным вниманием не только в научных кругах, но и у широкого читателя. В последнее время почти все работы Freud‘a переведены на русский язык и выпущены в свет. На наших глазах в России начинает складываться новое и оригинальное течение в психоанализе, которое пытается осуществить синтез фрейдизма и марксизма при помощи учения об условных рефлексах и развернуть систему „рефлексологического фрейдизма“ в духе диалектического материализма. Этот перевод Фрейда на язык Павлова, попытка об‘ективно расшифровать темную „психологию глубин“—представляет собой живое свидетельство величайшей жизненности этого учения и его неисчерпаемых научных возможностей.

С этим признанием не только не миновало „героическое время“ для Freud‘a, но потребовалось неизмеримо большее мужество и еще больший героизм, чем прежде. Тогда он был предоставлен самому себе в своем „Splendid isolation“ и устраивался, „как Робинзон на необитаемом острове“. Теперь же возникли новые и серьезные опасности—искажения самых основ нового учения, приспособления научной истины к потребностям и

вкусам буржуазного миропонимания. Коротко говоря, прежде опасность грозила со стороны врагов, теперь—со стороны друзей. И действительно, ряд виднейших вождей, которым „стало неуютно пребывание в преисподней психоанализа“, отошли от него.

Эта внутренняя борьба потребовала гораздо большего напряжения сил, чем борьба с врагами. Основная особенность Freud‘а заключается в том, что он имеет смелость додумывать всякую мысль до конца, доводить всякое положение до последних и крайних выводов. В этом трудном и страшном деле у него не всегда находились спутники, и многие покидали его сейчас же за исходным пунктом и сворачивали в сторону. Этот максимализм мысли послужил причиной того, что и на вершине под‘ема научного интереса к психоанализу Freud, как мыслитель, остался, в сущности, в одиночестве.

Предлагаемая вниманию читателя в настоящем переводе книга „Jenseits des Lustprinzips“ (1920) принадлежит к числу таких именно одиноких работ Freud‘а. Даже правоверные психоаналитики иной раз находят возможным обойти эту работу молчанием; что же касается более постороннего круга читателей, то здесь приходится столкнуться и за границей, и в России—с настоящим предубеждением, которое необходимо раз‘яснить и рассеять.

Книга эта приводит к таким ошеломляющим и неожиданным выводам, которые стоят, на первый взгляд, в коренном противоречии со всем тем, что все мы привыкли считать за незыблемую научную истину. Больше того: она противоречит основным положениям, выдвинутым в свое время самим же Freud‘ом. Здесь Freud‘ом брошен вызов

не только общему мнению, но взято под сомнение утверждение, лежащее в основе всех психоаналитических об'яснений самого же автора. Бесстрашие мысли в этой книге достигает апогея.

Основными об'яснительными принципами всех биологических наук мы привыкли считать принцип самосохранения живого организма и принцип приспособления его к условиям той среды, в которой ему приходится жить. Стремление к сохранению жизни своей и своего рода и стремление к возможно более полному и безболезненному приспособлению к среде — являются главными движущими силами всего органического развития. В полном согласии с этими предпосылками традиционной биологии,—Freud в свое время выдвинул положение о двух принципах психической деятельности. Высшую тенденцию, которой подчиняются психические процессы, Freud назвал принципом удовольствия. Стремление к удовольствию и отвращение от неудовольствия, однако, не безраздельно и не исключительно направляют психическую жизнь. Необходимость приспособления вызывает потребность в точном осознании внешнего мира; этим вводится новый принцип душевной деятельности—принцип реальности, который диктует подчас отказ от удовольствия во имя „более надежного, хотя и отсроченного“. Все это чрезвычайно элементарно, азбучно и, по-видимому, принадлежит к числу неопровержимых самоочевидных истин.

Однако факты, добытые психоаналитическим исследованием, толкают мысль к выходу за узкие пределы этой самоочевидной истины. Попытка пробиться мыслью сквозь эту истину—по ту сторону принципа удовольствия—и создала настоящую книгу.

Первоначальнее этого принципа, по мысли Freud'а следует считать, как это ни парадоксально звучит, принцип влечения к смерти, который является основным, первоначальным и всеобщим принципом органической жизни. Следует различать два рода влечений. Один, как более доступный наблюдению, давно подвергся изучению—это эрос в широком смысле, сексуальное влечение, включающее в себя не только половое влечение, во всем его многообразии, но и весь инстинкт самосохранения; это—влечения к жизни. Другой род влечений, типическим примером которых следует считать садизм, может быть обозначен, как влечения к смерти. Задачей этого влечения является, как говорит Freud в другой книге, „возвращение всех живых организмов в безжизненное состояние", т.-е. его цель—„восстановить состояние, нарушенное возникновением жизни", вернуть жизнь к неорганическому существованию материи. При этом все положительные жизнеохранительные тенденции, как стремление к самосохранению и проч., рассматриваются, как частичные влечения, имеющие целью обеспечить организму его собственный путь к смерти и удалить все посторонние вероятности возвращения его в неорганическое состояние. Вся жизнь при этом раскрывается, как стремление к восстановлению нарушенного жизненного равновесия энергии, как окольные пути (Umwege) к смерти; как непрестанная борьба и компромисс двух непримиримых и противоположных влечений.

Такое построение вызывает естественное сопротивление против себя по двум мотивам. Во-первых, сам Freud отмечает отличие этой работы от других его построений. То были прямые и точные переводы фактических наблюдений на

язык теории. Здесь часто место наблюдения заступает размышление; умозрительное рассуждение заменяет недостаточный фактический материал. Поэтому легко может показаться, что мы имеем здесь дело не с научно-достоверными конструкциями, а с метафизической спекуляцией. Легко поэтому провести знак равенства между тем, что сам Freud называет метапсихологической точкой зрения, и точкой зрения метафизической.

Второе возражение напрашивается само собой у всякого по существу против самого содержания этих идей. Является подозрение, не проникнуты ли они психологией безнадежного пессимизма, не пытается ли автор под маской биологического принципа провести контробандою упадочную философию нирваны и смерти. Об'явить целью всякой жизни смерть—не означает ли заложить динамит под самые основы научной биологии—этого знания о жизни?

Оба эти возражения заставляют крайне осторожно отнестись к настоящей работе, а некоторых приводят даже к той мысли, что в системе научного психоанализа ей нет места и что надо обойтись без нее при построении рефлексологического фрейдизма. Однако, внимательному читателю не трудно убедиться в том, что оба эти возражения несправедливы и неспособны выдержать легчайшего прикосновения критической мысли.

Сам Freud указывает на бесконечную сложность и темноту исследуемых вопросов. Он называет область своего учения уравнением с двумя неизвестными или потемками, куда не проникал ни один луч гипотезы. Научные средства его совершенно исключают всякое обвинение в метафизичности его спекуляции. Это—спекуляция, совершенно верно, но научная. Это—метапсихология,

но не метафизика. Здесь сделан шаг за границы опытного знания, но не в сверхопытное и сверхчувственное, а только в недостаточно еще изученное и освещенное. Речь идет все время не о непознаваемом, но только о непознанном. Freud сам говорит, что он стремится только к трезвым результатам. Он охотно заменил бы образный язык психологии на физиологические и химические термины, если бы это не означало отказа от всякого описания изучаемых явлений. Биология— царство неограниченных возможностей, и сам автор готов допустить, что его построения могут оказаться опровергнутыми.

Означает ли это, что неуверенность автора в своих собственных построениях лишает их научной значимости и ценности? Ни в какой мере. Сам автор говорит, что он в одинаковой мере и сам не убежден в истинности своих допущений и других не хочет склонять к вере в них. Он сам не знает, насколько он в них верит. Ему кажется, что здесь следует вовсе исключить „аффективный момент убеждения": в этом вся суть. Это раскрывает истинную природу и научную цену выраженных здесь мыслей. Наука вовсе не состоит исключительно из готовых решений, найденных ответов, истинных положений, достовереных законов и знаний. Она включает в себя в равной мере и поиски истины, процессы открытия, предположения, опыта и риска. Научная мысль тем и отличается от религиозной, что вовсе не требует непременной веры в себя. „Можно отдаться какому-либо течению мыслей", говорит Freud, „следовать за ними только из научного любопытства до самой его конечной точки". Сам Freud говорит, „что психоанализ старательно избегал того, чтобы стать системой". И если на

этом пути нас ждут головокружительные мысли, то в этой спекуляции надо иметь только мужество безбоязненно следовать за ними, как по горным тропинкам в Альпах, рискуя ежеминутно сорваться в пропасть. „Nur für schwindelfreie"— „только для не боящихся головокружений", по прекрасному выражению Льва Шестова,—открыты эти альпийские дороги в философии и науке.

При таком положении, когда автор сам готов всякую минуту свернуть в сторону со своего пути и сам первый усумниться в истине своих мыслей,—не может быть речи, разумеется само собой, и о философии смерти, якобы пропитывающей эту книгу. В ней, вообще, нет никакой философии; она вся исходит из точного знания и обращена к точному знанию, но она делает огромный, головокружительный прыжок с крайней точки твердо установленных наукой фактов в неисследованную область по ту сторону очевидности. Но не следует забывать, что психоанализ, вообще, имеет своей задачей пробиться по ту сторону видимого, и в некотором смысле всякое научное знание заключается не в констатировании очевидностей, но в раскрытии за этой очевидностью более действительных и более реальных, чем сама очевидность, фактов, и открытия Галилея точно так же уводят нас по ту сторону очевидности, как и открытия психоанализа.

Некоторое недоразумение может произойти от того разве, что употребляемые автором психологические термины несколько двусмысленны в применении к биологическим и химическим понятиям. Влечение, или стремление к смерти, приписываемое всей ограничеческой материи, здесь может показаться легко с первого взгляда, действительно, отрыжкой пессимистической фило-

софии. Но это все проистекает из того, что до сих пор обычно психология всегда заимствовала у биологии основные понятия, об'яснительные принципы и гипотезы и распространяла на психический мир то, что установлено было на более простом органическом материале. Здесь чуть ли не впервые биология одолжается у психологии, и научной мысли придан как раз обратный ход: она умозаключает от анализа человеческой психики к универсальным законам органической жизни. Биология здесь заимствует у психологии. Надо ли после этого добавлять, что такие термины, как влечение, стремление и проч., утрачивают при этом весь свой первоначальный характер психических сил и обозначают только общие тенденции органической клетки вне всякой зависимости от философской расценки жизни и смерти в плане человеческого разума. Эти влечения Freud сводит, без остатка, на химические и физиологические процессы в живой клетке и обозначает ими только направление, в котором присходит энергетическое уравновешивание.

Ценность и достоинства всякой научной гипотезы измеряются ее практической выгодностью, тем, насколько она помогает продвигаться вперед, служа рабочим об'яснительным принципом. И в этом смысле лучшим свидетельством научной полноценности этой гипотезы о первоначальности Todestrieb является позднейшее развитие тех же мыслей в книге Freud'a „Das Ich und das Es“ (я и Оно) [1],

[1]) Имеется в русском переводе. Изд. „Academia“, Ленинград, 1924 г.

где психологическое учение о сложной структуре личности, об амбивалентности, об инстинкте разрушения и проч. поставлены в прямую связь с мыслями, развитыми в предлагаемой книге.

Но еще большие возможности сулит смелая гипотеза Freud'а для общебиологических выводов. Она расстается нацело и окончательно со всякой телеологией в области психики и биологии. Всякое влечение причинно обусловлено предшествующим состоянием, которое оно стремится восстановить. Всякое влечение имеет консервативный характер, оно влечет назад, а не вперед. Таким образом перебрасывается мост (гипотетический) от учения о происхождении и развитии органической жизни к наукам о неорганической материи. Органическое впервые в этой гипотезе вводится так тесно в общий контекст мира.

Freud готов допустить, что „в каждом кусочке живой субстанции“, в каждой клетке действуют оба рода влечений, смешанные в неравной дозе. И только соединение простейших одноклеточных организмов в многоклеточные живые существа дает возможность „нейтрализовать влечение к смерти отдельной клеточки и... отвлечь разрушительные побуждения на внешний мир“. Из этой мысли раскрываются огромные возможности для учения о социальной сублимации этих влечений к смерти. „Многоклеточный“ социальный организм создает грандиозные, неисчислимые возможности для нейтрализования влечений к смерти и сублимации их, т.-е. превращения в творческие импульсы социального человека.

По всем этим высказанным здесь соображениям мы полагаем, что новая книга Freud'а будет встречена и в научных кругах, и широким читателем с тем вниманием и интересом, на ка-

кие ей дают право ее необычайная смелость и оригинальность мысли. Интерес этот не стоит ни в какой зависимости от того, насколько положения, высказанные в книге, получат оправдание и фактическое подтверждение в ходе дальнейших исследований и критической проверки. Уже самое открытие новой Америки—страны по ту сторону принципа удовольствия—составляет Колумбову заслугу Freud'а, хотя бы ему и не удалось составить точную географическую карту новой земли и колонизовать ее. Искание истины, в конце концов, увлекательнее, поучительнее, плодотворнее и нужнее, чем найденная и готовая истина.

II.

Еще до выхода русского перевода этой книги в русских научных кругах началась оживленная дискуссия по задетым в ней вопросам.

Высказывали мнение, что Freud отступил в ней от своих исходных положений, что он вступил здесь на путь, далеко не совпадающий с путем современного материализма.

Нам кажется—более глубокий подход к этой книге не оправдает этих подозрений. В „Jenseits des Lustprinzips“ Freud развивает глубже и шире мысли, уже давно положенные им в основу психоанализа, он только вводит нас в лабораторию своей мысли. Ведь в этой книге, в сущности, все логически вытекает из мыслей, изложенных Freud'ом уже раньше, и однако,—как ново, как, подчас, странно и оригинально звучат для нас страницы этой книги.

Автор не настаивает в ней на абсолютной правильности своих построений: он еще сам не уверен в них и, давая волю своим построениям, он хочет лишь сделать широкие биологические выводы из изученных им прежде фактов психической жизни. К чему же они ведут нас? Какие обще-методологические тенденции скрыты под этими, подчас непонятными нам, построениями?

В основе всех построений этой книги лежит одна тенденция: построить общую биологию психической жизни. Те психические принципы, которые, по мнению психоанализа, регулируют все поведение человека—например, „принцип удовольствия"—не удовлетворяет Freud'a всецело: он ищет более глубокую, более общезначимую биологическую закономерность и находит ее в общем принципе сохранения равновесия—общем тяготении к сохранению равно разлитого напряжения энергии, которое мы замечаем в неорганическом мире. Стабильность и возврат к неорганическому—вот основные тенденции чистой биологии, отзвуки которой мы находим в глубинах человеческой психики („навязчивое воспроизведение прежних состояний"). Эти странные процессы в психической жизни не являются, однако, особыми качествами „духа"—они говорят нам лишь о существовании более широких законов, охватывающих как деятельность психики, так и более фундаментальные биологические процессы. Психика вводится здесь в круг обще-биологических явлений; в ней отражается та же тенденция, которая играет свою роль и в мире неорганическом. Так чуждо звучащее для нас понятие „влечения к смерти" (Todestrieb) мы должны понимать лишь, как констатирование отзвука более глубоких закономерностей биологического порядка, как

попытку отойти от чисто психологического понятия „влечения“, вскрыть в нем его глубоко биологоческую сторону.

От чисто-психологического подхода к принципам психической жизни и влечениям—к биологическому подходу к ним—вот путь этой книги, углубляющей прежние построения Freud'а.

Однако, если в глубоких слоях психической жизни скрыта биологическая консервативность тенденции сохранения неорганического равновесия,—чем же об'яснить развитие человечества от низших форм к высшим? Где искать корень бурно развивающегося исторического процесса? Freud дает нам на это в высокой степени интересный и глубоко-материалистический ответ: если в человеке в глубинах его психики еще остались консервативные тенденции древней биологии—если в конечном счете к ним сводим даже эрос—то единственными силами, выводящими нас из состояния биологической консервативности, понуждающими к прогрессу, к деятельности—являются внешние силы—мы скажем—внешние условия материальной среды, в которой существует индивид. Именно они являются настоящей основой прогресса, именно они и формируют реальную личность, заставляя ее приспособляться к себе, вырабатывать новые формы психической жизни, наконец, именно они оттесняют вглубь и переделывают остатки старой консервативной биологии. В этом отношении психология Freud'а по своим тенденциям насквозь социологична, и лишь задачей других психологов-материалистов, находящихся в лучших условиях, чем Freud, остается раскрыть и до конца аргументировать материалистические основы этого учения.

Итак, история человеческой психики складывается по Freud'у из двух тенденций: консервативной—биологической и прогрессивной—социологической. Именно из этих моментов складываетсявся диалектика организма, и именно они ведут к своеобразному „спиральному“ развитию человека. Эта книга—шаг вперед, а не назад по пути к построению цельной монистической системы, и диалектик, прочитавший эту книгу, поймет, какие огромные возможности монистического понимания мира вытекают из нее.

Вовсе не надо быть согласным с каждым из многочисленных утверждений Freud'a, вовсе не нужно разделять все его гипотезы, важно лишь суметь за частными (быть может, и различными по ценности) построениями вскрыть одну общую тенденцию и суметь использовать ее для целей материалистического об'яснения мира.

Одно здесь сделано безусловно: психика окончательно потеряла здесь свою мистическую специфичность, в ней вскрыты те обще-биологические законы, которые господствуют во всем мире, она окончательно развенчана, как носительница некоей „высшей“ сущности: „мы можем исправить много наших ошибок, когда мы заместим наши психологические термины—физиологическими и химическими“.

Буржуазная наука рождает материализм; роды эти часто бывают тяжелыми и затяжными; но—надо только найти, где зреет в ее недрах материализм—найти, чтоб охранить и использовать эти ростки.

Л. С. Выготский. Ал. Лурия.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ Д-РА М. В. ВУЛЬФ.

На читателя, незнакомого близко с идеями Freud'а, предлагаемая книга может произвести впечатление какого-то перелома в научном творчестве его. Может показаться, что она резко отличается от прежних работ этого оригинального мыслителя и исследователя человеческой психики и является отказом от точной научной мысли врача-естествоиспытателя, уклоном в сторону чистой спекуляции. Такого рода мнения уже высказываются; говорят, что существуют теперь два Freud'а: прежний — осторожный исследователь в области точной научной мысли, и новый, автор „Jenseits des Lustprinzips" — с определенным метафизическим и даже мистическим уклоном.

Для всякого, изучавшего психоанализ и весь ход развития идей и теорий Freud'а, совершенно очевидно, что такой взгляд ошибочен в корне. Никакого „перелома" или „уклона" в „Jenseits" нет. В этой книге изложено только дальнейшее, вполне последовательное развитие проблем, поставленных уже в предыдущих работах. Мы находим в ней того же старого Freud'а, со всеми особенностями его мысли и стиля, но только не останавливающегося перед широкими обобщениями и выводами и вынужденного поэтому выйти за пределы своих прежних исследований в области психологии и коснуться вопросов биологии.

Анализ психических переживаний больного и здорового индивида привел Freud'а к изучению

первичных влечений человека, как первоисточника психических процессов. В предисловии к четвертому изданию своих „Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie“ Freud называет эту работу по теории полового влечения „граничащей с биологией частью учения“. Действительно, учение о влечениях относится, в сущности, к области биологии. К сожалению, психоанализ мог слишком мало позаимствовать по этому вопросу у этой молодой еще научной дисциплины и в этой части своих исследований был предоставлен собственным силам. Первый подход Freud'а к вопросу о влечениях был чисто физиологический [1]). Во влечении он видел раньше всего проявление особого вида раздражения (Reiz), исходящего не из окружающей внешней среды, а из внутренних физико-химических процессов организма, напр., голод, жажда, половое влечение. Внешние физиологические раздражения действуют, как мгновенный толчок (или ряд быстро повторяющихся толчков) и влекут за собой рефлекторные моторные движения, двигательный рефлекс, благодаря которому раздражаемый об'ект удаляется из сферы действия раздражителя. Раздражения влечений—постоянная сила, длительно и беспрерывно нарастающая. Они становятся импульсом к целесообразным сложным действиям, приводящим к адэкватному удовлетворению путем специфического изменения или влияния на источник этого внутреннего раздражения. „Внешние раздражения выдвигают задачу избавиться от них, а это совершается посредством мускульных движений, из

---

[1]) Влечения и их судьбы.—Третий том Психоаналитической библиотеки под ред. проф. Ермакова. Пер. д-ра Вульфа.

которых одно, в конце концов, достигает цели, и как целесообразное, становится наследственным предрасположением. Возникающие внутри организма раздражения влечений не могут быть устранены при помощи такого механизма. Они пред'являют к нервной системе гораздо более высокие требования, побуждают ее к сложным последовательным действиям, настолько изменяющим внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних источников раздражения; но, главным образом, они заставляют нервную систему отказаться от своей главной цели—устранения всяких раздражений, так как неизбежно поддерживают беспрерывный приток их. Мы имеем поэтому основание заключить, что именно они, влечения, а не внешние раздражения, являются настоящими двигателями прогресса, который довел до современной высоты развития столь бесконечно работоспособную нервную систему. Разумеется, ничто не мешает полагать, что сами влечения, по крайней мере отчасти, представляют из себя осадки влияния внешних раздражений, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом веществе“ [1]).

Последняя оговорка Freud'а очень знаменательна. Она указывает на некоторое сомнение в окончательной правильности этого описательного определения влечения. От него, очевидно, не укрывалось вытекающее из такого понимания влечений противоречие с его общим, в основе своей материалистическим пониманием жизненных явлений. Действительно, мысль, что влечения, как проявления внутренних раздражений, являются „настоящими двигателями прогресса“, при последова-

[1]) L. c. стр. 106.

тельном проведении приводит к витализму. Понятен поэтому осторожный подход Freud'а, который в начале этой работы говорит о влечении, как об „условном, пока еще довольно темном, но в психологии незаменимом основном понятии“. Нет ничего удивительного также и в том, что в последующих трудах он старается совершенно по иному подойти к вопросу о сущности влечения, хотя для этого ему пришлось выйти за пределы изучаемой им области психических явлений и углубиться в проблемы биологии.

Но этому способствовали еще другие мотивы, вытекающие отчасти непосредственно из новых наблюдений, отчасти продиктованные известными уже прежде фактами, получившими лишь новую оценку и значение в связи с новыми открытыми явлениями.

С биологической точки зрения влечение приходится понимать, как процесс, „стоящий на границе между психическим и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренностей тела и проникающим в психику“ [1]). Действие влечения на психику состоит в том, что под его влиянием в психическом аппарате создается состояние напряжения, суб'ективно воспринимаемого, как отрицательное неприятное ощущение (Unlust). Удовлетворение же влечения сопровождается чувством наслаждения, удовольствия (Lust). „Если мы далее находим, что и деятельность самых высоких по своему развитию душевных аппаратов также подчиняется принципу наслаждения (Lustprinzip), т.-е. автоматически регулируется ощущениями наслаждения и неудовольствия (Unlust), то мы с трудом смо-

[1]) L. с. стр. 107.

жем отказаться от дальнейшего предположения, что эти ощущения отражают именно тот способ, посредством которого происходит преодоление раздражения. Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения—с понижением его“ [1]).

Именно в этом пункте раскрылись слабые стороны вышеизложенного физиологического описания влечений. Раньше всего это проявилось благодаря наблюдениям над „военными“ или травматическими неврозами, порожденными в большом количестве мировой войной. Установленные этими наблюдениями факты из психической жизни и болезни „травматиков“ трудно согласовались с положением о господстве принципа наслаждения в психической жизни, как регулятора ее. Оказалось, что такие больные в бодрствующем состоянии с трудом и весьма недостаточно помнят события и обстоятельства, при которых они пережили травму, между тем как сновидения их часто воспроизводят во время сна именно эти переживания. Этот факт находится в резком противоречии с установленным в „Traumdeutung“ общим положением, что сновидения осуществляют вытесненные желания, создавая ситуацию, при которой переживаются удовлетворения их. Но именно в этом осуществлении желаний и проявляется влияние принципа наслаждения на психическую жизнь во время сна, следовательно, в этом пункте психология травматических неврозов не только не подчиняется этому принципу, но вполне определенно противоречит ему.

---

[1]) L. c. стр. 106.

Другое наблюдение, относящееся к этому же разряду явлений, можно сделать над маленькими детьми. Последние часто в играх своих воспроизводят как раз наиболее мучительные и тяжелые для них переживания, требуют повторения страшных сказок, пугающих описаний и событий и т. п. Они не только не проявляют стремления избежать переживания неудовольствия, неприятного (Unlust), а нередко наоборот, играя, как бы ищут их.

Наконец, третья группа явлений этой же категории, известная уже давно, хотя и не получившая до сих пор соответствующей оценки, относится к наблюдениям над больными во время психоаналитического лечения. В процессе лечения анализируемые с навязчивой настойчивостью и постоянством воспроизводят как раз наиболее тяжелые травматические переживания прошлого.

Все эти факты и наблюдения навели Freud'а на мысль, что на-ряду с принципом наслаждения, которому обычно подчинено течение психических процессов, имеется еще другой регулятор их, может быть, более примитивный и первичный, который проявляется в этом стремлении к возвращению к этим мучительным переживаниям. Анализ их выяснил дальше, что таким путем травматизированная психика стремится изжить, преодолеть непосильную для нее травму, как бы усваивая ее, „привыкая" к ней посредством повторного ее воспроизведения. Это—как бы изживание и усвоение в фракционированных малых дозах того потрясения, которое не под силу было одолеть сразу, в один прием. В этом явлении Freud увидел основной примитивный механизм, лежащий в основе психических процессов „по ту сторону принципа удовольствия" и назвал его навязчивым стремлением к воспроизведению (Wiederholungszwang). Оно

представляет собой своеобразную реакцию на раздражения, переходящие по своей интенсивности определенную границу, приемлемую для психического аппарата и потому становящиеся травматическими.

Но тут возникает вопрос: что понимает Freud под термином „одолеть раздражения"?

В упомянутой уже выше статье [1]) он говорит: „Нервная система представляет собою аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до него раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня, или же, если бы это только оказалось осуществимым, этот аппарат стремится к тому, чтобы вообще избегать каких-либо раздражений. Пусть нас пока не смущает неопределенность этой идеи; и припишем нервной системе, вообще говоря, назначение: справляться с раздражениями".

С этой точки зрения Freud определяет наслаждение (Lust), как выражение освобождения, оттока раздражений из организма и неудовольствие (Unlust), как выражение, наоборот, невозможности оттока (Abfuhr) и накопления избытка раздражений в организме, или вернее, в элементах нервно-психического аппарата.

Однако эта, несколько упрощенная, формула принципа психической деятельности в действительности испытывает значительное изменение и усложнение. Еще в „Studien über Hysterie" [2]), первой работе Freud'a в области психопатологии, сделанной совместно с Breuer'ом—последний высказал интересный взгляд о так наз. „интрацеребральном тоническом возбуждении". „В состоянии

---

[1]) L. с. стр. 106 русск. перевод.

[2]) Стр. 168.

сна, сопровождающемся сновидениями, нам известно, что в нем у нас возникают намерения производить произвольные движения, говорить, ходить и т. п., между тем, как соответствующие сокращения мускулатуры нами в действительности не производятся—что̀ имеет место в бодрствующем состоянии, что̀ чувствительные раздражения, быть может, перципируются (так как они часто проникают в сновидения), но не апперцепируются, т.-е. не становятся сознательными восприятиями, что возникающие представления возбуждают, не как в бодрствующем состоянии, все связанные с ними, имеющиеся в потенциальном сознании представления, а что большие массы их не возбуждаются или (как это бывает, когда мы говорим во-сне с покойником, не вспоминая о его смерти), что несоединимые представления могут существовать одновременно, не парализуя друг друга, как в бодрственном состоянии, что, следовательно, ассоциации возникают недостаточно и неполно. Мы должны допустить, что в самом глубоком сне это уничтожение связи между психическими элементами еще более совершенно и полно.

В бодрствующем состоянии, напротив, всякий волевой акт вызывает соответствующее движение, чувствительные впечатления становятся восприятиями, представления ассоциируются со всем содержимым потенциального сознания. Мозг представляет собой в таком случае единство, работающее в полной внутренней связи.

Быть может, мы опишем только другими словами те же факты, если скажем, что во время сна пути соединения и проводящие раздражения в мозгу непроходимы для возбуждения психических элементов (корковых клеток?), а в состоянии бодрствования вполне проходимы.

Существование обоих этих различных состояний проводящих путей понятно только, если предположить, что во время бодрствования они находятся в состоянии тонического возбуждения (интрацелулярный тетанус Exner'a), что это тоническое интрацеребральное (внутримозговое) возбуждение обусловливает их проводящую способность, и что понижение или исчезновение последней и приводит к состоянию сна".

„Если бодрствующий мозг остается продолжительное время в покое, не превращая благодаря функционированию силу напряжения в живую энергию, то наступает потребность и импульс к действию. Длительное моторное спокойствие создает потребность в движении (бесцельная беготня зверей в клетке) и мучительное чувство, если эта потребность не удовлетворяется. Недостаточное количество чувственных раздражений, темнота, мертвая тишина становятся мучительными, психическое спокойствие, недостаточное количество восприятий, представлений, ассоциативной деятельности вызывают мучительную скуку. Эти неприятные чувства соответствуют „возбуждению", повышению нормального интрацеребрального возбуждения.

Вполне восстановленные элементы мозга освобождают таким образом и в спокойном состоянии известное количество энергии, которое, не будучи использовано для функциональной работы, повышает интрацеребральное возбуждение. Это вызывает неприятные чувства. Последние возникают всегда в тех случаях, когда какая-нибудь потребность организма не находит удовлетворения. Так как неприятные чувства, о которых здесь идет речь, исчезают, когда освободившееся избыточное количество возбуждения находит функциональное

применение, то мы делаем вывод, что такое устранение избытка возбуждения является потребностью организма, и тут впервые встречаемся с фактом, что в организме существует тенденция к сохранению постоянства (Konstanzerhaltung) интрацеребрального возбуждения“ [1]).

Дальнейшее развитие эта энергетическая или экономическая точка зрения получила в „Traumdeutung. Уже из изложенного в „Studien“ видно, что в нервно-психическом аппарате приходится различать два вида накопления возбуждений или „психической энергии“ „свободной“, т.-е. способной легко истрачиваться в функции, оттекать,— и „связанной“, как бы ассимилированной, переработанной в виде определенного тонуса. Последняя повышает работоспособность, „запас сил“ всего аппарата. „Свободная“ энергия возбуждений характеризует „первичные процессы „Primärvorgang“, которые составляют особенность примитивной психики, бессознательного. Высокий тонус интрацеребрального напряжения и большое количество „связанной“ энергии раздражений—особенность сознания и высоко организованного нервно-психического аппарата.

Отсюда следует, что чем больше количество связанной энергии возбуждения в элементах нервного аппарата, тем легче он сможет справиться с новыми сильными раздражениями, и, наоборот, чем меньше это количество, тем менее способной окажется вся система сопротивляться внешним раздражениям. При большом количестве связанной энергии, в ответ на травматизирующее потрясение мобилизируется запас психической энергии из всего нервно-психического аппарата

---

1) Studien über Hysterie, Franz Deuticke. 171 стр.

и противопоставляется (Gegenbesetzung) этому потрясению. Примером такого травматизирующего переживания может служить сильный испуг. Как реагирует на него психика, в которой много свободной энергии, ищущей выхода, и преобладают „первичные процессы"? (Напр., дети, дикари и т. п.). Они поддаются панике, „теряются", совершают самые нецелесообразные реакции, вплоть до полного паралича и потери сознания. Наоборот, люди, „умеющие владеть собой", т.-е. располагающие большим количеством связанной энергии, проявят наиболее целесообразные и полезные реакции.

Психологически это выражается в психической установке личности по отношению к травматическому переживанию-установке, которая выражается в подготовленности психики к этому переживанию. Неожиданность действия травмы и ее внезапность является сильным травматизирующим моментом. Наоборот, подготовленность, ожидание несчастья часто защищает от тяжелых последствий потрясения. Впечатлительных, легко волнующихся (т.-е. располагающих большим запасом свободной энергии раздражений) людей стараются „подготовить" к ожидающему их несчастью, предупредить, чтобы ослабить действие травмы.

Другим психологическим моментом является то, насколько личность вообще более или менее охотно, подговленно идет навстречу лишениям, страданиям, переживаниям, с которым связана возможность травматического потрясения, насколько она готова на жертвы и самопожертвования. Другими словами—насколько личность организованна и „связала" с определенными представлениями и идеями известное количество психической энергии возбуждения в элементах нервного

аппарата и благодаря этому приобрела устойчивость и силу сопротивления. В этом психофизиологическая сущность героической установки личности. Опыт войны показал, насколько тяжелы потрясения боя и все лишения военного похода для лиц, идущих на войну нехотя, против воли; из-под палки в сравнении с теми, кого воодушевляет какая-нибудь идея и готовность пожертвовать собой ради нее.

Эту трудную работу организации своей психики и проделывают отчасти травматики в своих снах, невротики, воспроизводя в лечении, и дети, воспроизводя в играх свои мучительные, травматизирующие переживания. Таким путем они стараются „усвоить“ их в ослабленном виде и в наиболее выгодной ситуации подготовленности и этим ослабить их удар и „принять“ их, или, выражаясь техническим языком психоанализа, „связать“ свободную энергию потрясающих раздражений и частично превратить ее в „связанную“. Воспроизведение мучительных переживаний становится благодаря этому средством самозащиты нервно-психической организации против травматизирующего потрясения, несмотря на то, что оно резко противоречит тому основному принципу наслаждения, которому, при нормальных условиях у взрослого подчинена деятельность нервного-психического аппарата.

Из этого Freud делает вывод, что торжество принципа наслаждения, как регулирующего момента психических процессов, возможно только тогда, когда нервно-психическая организация достигла уже довольно высокого развития и располагает некоторым запасом связанной энергии возбуждения. Поэтому он и говорит о навязчивом воспроизведении по ту сторону (т.-е. еще до

организации) принципа наслаждения. Только после того как произошел переход психической энергии возбуждения в связанную, может без задержек установиться господство принципа наслаждения (и его модификации в виде принципа реальности) (Teuscits, 33 стр.).

В каком же отношении ко всему этому находятся первичные влечения.

Они, как известно, являются „представителями всех влияний, исходящих изнутри организма и переносящихся на психический аппарат. Эти раздражения действуют непосредственно на систему Ubw и только оттуда, пройдя цензуру личности (ее „*я*“-идеала), могут проникнуть в прямом или измененном виде в систему Bw. Исходящие из влечений раздражения протекают „по типу не связанного, а свободного и подвижного, стремящегося к оттоку первичного процесса“, доминирующего в Ubw. Но мы теперь уже знаем, что это тот тип течения нервно-психического процесса, который, достигнув известного напряжения и силы, имеет тенденцию изживаться „с непреодолимой, демонической силой“, независимо от принципа наслаждения, подчиняясь стремлению к навязчивому воспроизведению. „Это наводит на мысль, что мы тут открыли общую, до сих пор не достаточно понятую—или по крайней мере не вполне подчеркнутую — особенность влечений, может быть, вообще всей органической жизни. Влечение представляет собой свойственное живому органическому существу стремление к воспроизведению прежнего состояния, из которого оно должно было выйти под воздействием внешних нарушающих сил“.

Обычным, чисто-психологическим путем Freud пришел здесь к новому, чрезвычайно широкому

пониманию влечения, являющемуся огромным шагом вперед по сравнению с прежним, чисто физиологическим. Если видеть в влечениях первичные импульсы жизненных реакций живых организмов, возникшие с зарождением органической жизни и руководившие филогенетическим развитием ее, то как допустить, что эти импульсы проявляются в виде господства чисто психологического момента—принципа удовольствия (Lustprinzip)? Можем ли мы таким образом приписать влиянию этого принципа, или чего-то с ним сходного, жизненные реакции примитивнейших организаций живой субстанции? А раз так, то принцип наслаждения не может быть первичным проявлением влечений, а продуктом более высокого развития и совершенной организации. В более же примитивных организмах должен действовать какой-то другой принцип проявления влечений. Его-то Freud и открыл в навязчивом стремлении к воспроизведению.

Во-вторых, в этом новом определении влечения имеется один важный момент: оно подчеркивает консервативный характер его, видит в нем выражение инертности живой материи и противопоставляет ее прогрессивному влиянию внешних раздражений. Таким образом центр тяжести развития и прогресса жизни переносится на внешний мир, на среду, как на источник всяких изменений в органической жизни. Не живая материя сама по себе развивается и творит жизнь в силу каких-то тайных, присущих ей имманентных творческих сил — как это вытекало из первоначального чисто-физиологического понимания влечения,—а внешние условия, среда и исходящие из нее раздражения выводят материю из ее инертности и толкают на путь развития и про-

гресса. Сама же материя стремится сохранить свою инертность, вернуться к покою, оказывает сопротивление раздражающим и толкающим вперед силам внешней среды. Тут нет места витализму, как об'яснению развития жизни.

В этом—как это явствует из самого заглавия—главная идея предлагаемой книги и научно (психологически) обоснованная часть ее. Остальное — дальнейшие и отдаленнейшие, но далеко не обязательные выводы из этого основного понимания сущности влечения, более или менее смелые логичные построения научной мысли, принятие или отрицание которых (как это говорит сам Freud) обусловливается чисто суб'ективными моментами у автора и у читателя. Инертность, абсолютный покой, есть, в конечном счете, смерть органической жизни, царство неорганического мира. Отсюда вывод, что влечения, в конечном счете, стремятся привести органическую жизнь к смерти, что они представляют из себя влечения смерти (Todestriebe). Этот вывод побуждает Freud'a перейти к рассмотрению вопроса о том, что представляет из себя смерть в биологическом смысле, как биологический процесс. Он совершает экскурсию в область биологии и здесь находит в общем подтверждение своего взгляда. Действительно, смерть не случайное явление в процессе развития жизни, а необходимое завершение жизненного процесса, наступающее вследствие действующих в организме внутренних импульсов, т.-е. влечений. Сами процессы жизни приводят организм к неизбежной, естественной смерти.

Но откуда же в таком случае берется в организме стремление к поддержанию жизни, что побуждает его творить ее? Источники жизни Freud, на основании данных современной биологии, от-

крывает в сексуальных влечениях, поддерживающих жизнь благодаря тому, что толкают организмы на слияние, соединение (copulatio). Таким путем вводятся в организм извне новые источники раздражений, поддерживающих и возобновляющих жизненные силы его. Этим влечениям приходится приписать творческую силу жизни. Здесь Freud в современной биологии получает новое подтверждение своих прежних взглядов о творческой роли либидо в области развития и течения психических процессов (вытеснение, сублимация, компенсация и т. д.). Но тут возникает необходимость пересмотреть прежнюю классификацию влечений в связи с этими новыми вглядами.

С самого начала своих научных исследований Freud всегда придерживался, как он говорит, дуалистического [1]) взгляда на природу влечений, т.-е. он всегда разделял их на две группы, допуская (как и Эрлих), что в основе этих группировок лежат различные химизмы обусловливающих их внутренних раздражений. Он строго отделял „влечения *я*“ от сексуальных влечений, исходя при этом, с одной стороны, из данных психопатологии психоневрозов, а с другой стороны, ссылаясь на общепринятую в биологии такую же классификацию. В связи с вновь установленными влечениями смерти возник вопрос о противоположных им влечениях к самосохранению. Сначала предполагалось, что они составляют часть „влечений *я*“. Но в дальнейшем Freud вынужден был приписать им либидонозный характер (см. Zur Einführung des Narzismus) [2]) и отнести

1) В противоположность, напр., Jung'у, который во всех явлениях жизни видит только проявления либидо.

2) Смотри: „Очерки по психологии сексуальности“, VIII выпуск психоаналитической библиотеки глава. „О нарцизме“.

преимущественно к группе сексуальных влечений в широком смысле. Влечения же „Я“ оставались до сих пор почти недоступными психоаналитическому исследованию — что имело свою глубокую причину в механизме действующих при психоаналитическом методе исследования психических сил (перенесение). Здесь Freud высказывает предположение (подчеркивая его гипотетичность), не являются ли эти „влечения Я“, враждебные, по существу, окружающему миру, отражением первичных, действующих в организме влечений смерти, проецированных во внешний мир. Они-то — носители импульсов ненависти, разрушения, сокрушительных, садистических влечений (Destruktion), действие которых мы так часто можем наблюдать даже в творческих процессах жизненной борьбы. Процессы разрушения и созидания протекают параллельно и рука об руку во всех проявлениях жизни, начиная с импульсов, действующих в кусочке протоплазмы первичной клетки и кончая высшим творчеством человеческой мысли—и всюду и во всем проявляется борьба тех же сил—влечений смерти (садистических, разрушения уже бывшего) и влечений (сексуальных, эроса) жизненных, творчества нового.

Москва.
22 марта 1925 г.

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ S. FREUD'a.

I.

В психоаналитической теории, мы без колебания принимаем положение, что течение психических процессов автоматически регулируется принципом удовольствия (Lustprinzip), возбуждаясь каждый раз связанным с неудовольствием напряжением и принимая затем направление, совпадающее в конечном результате с уменьшением этого напряжения, другими словами, с устранением неудовольствия (Unlust) или получением удовольствия (Lust). Рассматривая изучаемые нами психические процессы в связи с таким характером их протекания, мы вводим тем самым в нашу работу „экономическую" точку зрения. Мы полагаем, что теория, которая, кроме топического и динамического момента учитывает еще и экономический,—является самой совершенной, какую только мы можем себе представить в настоящее время, и заслуживает названия метапсихологической.

При этом, для нас совершенно неважно, насколько с введением „принципа удовольствия" мы приблизились или присоединились к какой-либо определенной, исторически обоснованной, философской системе. К таким спекулятивным по-

ложениям мы приходим путем описания и учета фактов, встречающихся в нашей области в каждодневных наблюдениях. Приоритет и оригинальность не является целью психоаналитической работы, и явления, которые повели к установлению этого принципа, настолько очевидны, что почти невозможно проглядеть их. Напротив того, мы были бы очень признательны той философской или психологической теории, которая могла бы нам пояснить, каково значение того императивного характера, какой имеют для нас чувство удовольствия или неудовольствия.

К сожалению, нам не предлагают ничего приемлемого в этом смысле. Это самая темная и недоступная область психической жизни, и если для нас никак невозможно обойти ее совсем, то, помоему мнению, самое свободное определение будет и самым лучшим. Мы решились поставить удовольствие и неудовольствие в зависимость от количества имеющегося в психике и не связанного как-либо возбуждения таким образом, что неудовольствие соответствует повышению, а удовольствие понижению этого количества. При этом мы не думаем о простом отношении между силой этих чувств и теми количественными изменениями, которыми они вызваны; менее же всего, согласно со всеми данными психофизиологии,—можно предполагать здесь прямую пропорциональность; возможно, что решающим моментом для чувства является большая или меньшая длительность этих изменений. Возможно, что экспеперимент нашел бы себе доступ в эту область; для нас, аналитиков, трудно посоветовать дальнейшее углубление в эту проблему, поскольку здесь нами не будут руководить совершенно точные наблюдения.

Для нас, однако, не может быть безразличным то, что такой глубокий исследователь, как G. Th. Fechner выдвинул теорию удовольствия и неудовольствия, в существенном совпадающую с той, к которой приводит нас психоаналитическая работа. Положение Fechner'а, высказанное в его небольшой статье „Einige Ideen zur Schöpfungs—und Entwicklungsgeschichte der Organismen, 1873, Abshnitt XI, Zusatz, S. 94, гласит следующее: „Поскольку определенные стремления всегда находятся в связи с удовольствием или неудовольствием, можно также удовольствие и неудовольствие мыслить в психофизической связи с условиями устойчивости и неустойчивости, и это позволяет обосновать развитую мной в другом месте гипотезу, что всякое психофизическое движение, переходящее за порог сознания, связано до известной степени с удовольствием, когда оно, перейдя известную границу, приближается к полной устойчивости, и— с неудовольствием, когда также переходя известный предел, оно отделяется от этого; между обоими границами, которые можно назвать качественным порогом удовольствия и неудовольствия, в определенных границах лежит известная область чувствительной индифферентности“...

Факты, побудившие нас признать господство принципа удовольствия в психической жизни, находят свое выражение также в предположении, что психический аппарат обладает тенденцией удерживать имеющееся в нем количество возбуждения на возможно более низком или, по меньшей мере, постоянном уровне. Это то же самое, лишь выраженное иначе, так как, если работа психического аппарата направлена к тому, чтобы удерживать количество возбуждения на низком уровне, то все, что содействует нарастанию напряжения,

должно быть рассматриваемо, как нарушающее нормальные функции организма, т.-е. как неудовольствие. Принцип удовольствия выводится из принципа постоянства (Konstanzprinzip). В действительности, к принципу постоянства приводят нас те же факты, которые заставляют нас признать принцип удовольствия. При подробном рассмотрении мы найдем также, что эта предположенная нами тенденция психического аппарата подчиняется, в качестве частного случая, указанной Fechner'ом тенденции к устойчивости, с которой он поставил в связь ощущение удовольствия и неудовольствия.

Мы должны, однако, сказать, что собственно неправильно говорить о том, что принцип удовольствия управляет течением психических процессов. Если бы это было так, то подавляющее большинство наших психических процессов должно было бы сопровождаться удовольствием или вести к удовольствию, в то время, как весь наш обычный опыт резко противоречит этому. Следовательно, дело может обстоять лишь так, что в психике имеется сильная тенденция к господству принципа удовольствия, которой, однако, противостоят различные другие силы или условия, и, таким образом, конечный исход не всегда будет соответствовать принципу удовольствия. Срв. примечание Fechner'а при подобном же рассуждении (там же, стр. 90): „При чем, однако, стремление к цели еще не означает достижения этой цели, и вообще цель достижима только в приближении"... Если мы теперь обратимся к вопросу, какие обстоятельства могут затруднить осуществление принципа удовольствия, то мы снова вступим на твердую и известную почву и можем в широкой мере использовать наш аналитический опыт.

Первый закономерный случай такого торможения принципа удовольствия нам известен. Мы знаем, что принцип удовлетворения присущ первичному способу работы психического аппарата, и что для самосохранения организма среди трудностей внешнего мира, он с самого начала оказывается непригодным и, даже, в высокой степени опасным.

Под влиянием стремления организма к самосохранению этот принцип сменяется „принципом реальности“, который, не оставляя конечной цели—достижения удовольствия, откладывает возможности удовлетворения и временно терпит неудовольствие на длинном окольном пути к удовольствию. Принцип удовольствия остается еще долгое время господствовать в сфере трудно „воспитываемых“ сексуальных влечений, и часто бывает так, что он в сфере этих влечений, или же в самом „Я“, берет верх над принципом реальности даже во вред всему организму.

Между тем, несомненно, что замена принципа удовольствия принципом реальности об‘ясняет нам лишь незначительную и притом не самую главную часть опыта, связанного с неудовольствием. Другой, не менее закономерный источник неудовольствия заключается в конфликтах и расщеплениях психического аппарата, в то время, как „Я“ развивается до более сложных форм организации. Почти вся энергия, заполняющая этот аппарат, возникает из наличных в нем влечений, но не все эти влечения допускаются до одинаковых фаз развития. Вместе с тем, постоянно случается так, что отдельные влечения или их компоненты оказываются несовместными с другими в своих целях или требованиях, и не могут об‘единиться всеохватывающим единством нашего

„Я“. Процессом вытеснения они откалываются от этого единства, задерживаются на низших ступенях психического развития и для них отрезывается на ближайшее время возможность удовлетворения. Если им удается, что легко случается с вытесненными сексуальными влечениями, окольным путем достичь прямого удовлетворения или замены его, то этот успех, который вообще мог бы быть удовольствием, ощущается как неудовольствие. Вследствие старого вытесненного конфликта, принцип удовольствия испытывает новый прорыв, как раз тогда, когда известные влечения были близки к получению, согласно тому же принципу, нового удовольствия. Детали этого процесса, посредством которого вытеснение превращает возможность удовольствия в источник неудовольствия, еще не достаточно поняты или не могут быть ясно описаны, но бесспорно, что всякое невротическое неудовольствие есть подобного рода удовольствие, которое не может быть воспринято, как таковое.

Оба намеченные здесь источника неудовольствия далеко не исчерпывают полностью всего многообразия наших неприятных переживаний, но об остальной их части можно, повидимому, утверждать с полным правом, что ее существование не противоречит господству принципа удовольствия. Ведь чаще всего нам приходится ощущать неудовольствие от восприятия (Wahrnehmungsunlust); напряжения от неудовлетворенных влечений, или внешнее восприятие, все равно, является ли оно мучительным, само по себе, или же возбуждает в психическом аппарате неприятные ожидания, сознаваемые им в качестве „опасности“. Реакция на требования этих влечений и сигналы опасности, в которых собственно

и выражается деятельность психического аппарата, может быть должным образом направляема принципом удовольствия или видоизменяющим его принципом реальности. Это, как будто бы, не заставляет признать дальнейшее ограничение принципа удовольствия, и, как раз, исследование психической реакции на внешние опасности может дать новый материал и новую постановку для обсуждаемой здесь проблемы.

II.

Уже давно описано то состояние, которое носит название „травматического невроза“ и наступает после тяжелых механических потрясений, как столкновение поездов и другие несчастья, связанные с опасностью для жизни. Ужасная, только недавно пережитая, война подала повод к возникновению большого количества таких заболеваний и положила конец попыткам сводить это заболевание к органическому поражению нервной системы вследствие влияния механического воздействия [1]. Картина состояния при трамватическом неврозе приближается к истории по богатству сходных моторных симптомов, но, как правило, превосходит ее сильно выраженными признаками суб‘ективных страданий, близких к ипохондрии или меланхолии и симптомами широко разлитой общей слабости и нарушения психических функций. Полного понимания, как военных неврозов, так и травматических неврозов мирного времени, мы еще не достигли. В военных неврозах, с одной

---

[1] Срв. „Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen“ с докладами Ferenczi, Abraham'a, Simmel'я, E. Jones. Internationale Psychoanalytische Bibliotek, 1919. Bd. I.

стороны, уясняет дело, но вместе с тем и запутывает то, что та же картина болезни иногда возникала и без участия грубой механической силы. В обыкновенном травматическом неврозе привлекают внимание две основных возможности: первая, — когда главным этиологическим условием является момент внезапного испуга и вторая, — когда одновременно перенесенное ранение или повреждение препятствовало возникновению невроза.

Испуг, страх, боязнь неправильно употребляются, как синонимы. В их отношении к опасности их легко разграничить. Боязнь означает определенное состояние ожидания опасности и приготовление к последней, если она даже и неизвестна; страх предполагает определенный об‘ект, которого боятся; испуг имеет в виду состояние возникающее при опасности, когда суб‘ект оказывается к ней не подготовлен, он подчеркивает момент неожиданности. Я не думаю, что боязнь может вызвать травматический невроз; в боязни есть что-то, что защищает от испуга, и, следовательно, защищает и от невроза, вызываемого испугом. К этому положению мы впоследствии еще вернемся.

Изучение сна мы должны рассматривать, как самый надежный путь к исследованию глубоких психических процессов. Состояние больного травматическим неврозом во время сна носит интересный характер: он постоянно возвращает больного в ситуацию катастрофы, поведшей к его заболеванию, и больной просыпается с новым испугом. К сожалению, этому слишком мало удивляются. Обычно думают, что это только доказательство силы впечатления, произведенного травматическим переживанием, если это впеча-

тление не оставляет больного даже во сне. Больной, если можно так выразиться, фиксирован психически на этой травме. Такого рода фиксация на переживаниях, вызвавших болезнь, давно уже нам известна при истерии. Breuer и Freud в 1893 году выставили такое положение: истерики, большей частью, страдают от воспоминаний. И при так называемых „военных неврозах“, исследователи, как, напр., Ferenczi и Simmel об‘ясняют некоторые моторные симптомы как следствие фиксации на моменте травмы.

Однако, мне неизвестно, чтобы больные травматическим неврозом в бодрственном состоянии уделяли много времени воспоминаниям о постигшем их несчастном случае. Возможно, что они скорей стараются вовсе о нем не думать. Принимая, как само собой разумеющееся, что сон снова возвращает их в обстановку, вызвавшую их болезнь, обычно не считаются с природой сна. Природе сна больше отвечало бы, если бы сон рисовал больному сцены из того времени, когда он был здоров или картины ожидаемого выздоровления. Если мы не хотим, чтобы сны травматических невротиков ввели нас в заблуждение относительно тенденции сновидения исполнять желание, нам остается заключить, что в этом состоянии функция сна так же нарушена и отклонена от своих целей, как и многое другое, или мы должны были бы подумать о загадочных мазохистских тенденциях „Я“.

Я предлагаю оставить темную и мрачную тему травматического невроза и обратиться к изучению работы психического аппарата в его наиболее ранних нормальных формах деятельности. Я имею в виду игру детей.

Различные теории детской игры лишь недавно сопоставлены и оценены с аналитической точки зрения S. Pfeifer'ом в Imago, (V. H. 4). Я могу здесь лишь сослаться на эту работу. Эти теории пытаются разгадать мотивы игры детей, не выставляя на первый план экономическую точку зрения, т.-е. тенденцию получения удовольствия. Не имея в виду охватить все многообразия проявлений игры, я использовал представившийся мне случай раз'яснить первую самостоятельно-созданную игру полуторагодовалого ребенка. Это было больше, чем мимолетное наблюдение, так как я жил в течение нескольких недель под одной крышей с этим ребенком и его родителями, и наблюдение мое продолжалось довольно долго, пока это загадочное и постоянно повторяемое действие раскрыло передо мной свой смысл.

Ребенок был не слишком ушедшим вперед в своем интеллектуальном развитии, он говорил в свои полтора года только несколько понятных слов и произносил, кроме того, много полных значения звуков, которые были понятны окружающим. Он хорошо понимал родителей и единственную прислугу, и его хвалили за его „приличный" характер. Он не беспокоил родителей по ночам, честно соблюдал запрещение трогать некоторые вещи и ходить куда нельзя, и, прежде всего, он никогда не плакал, когда мать оставляла его на целые часы, хотя он и был нежно привязан к матери, которая не только сама кормила своего ребенка, но и без всякой посторонней помощи ухажива за ним и няньчила его. Этот славный ребенок обнаружил беспокойную привычку забрасывать все маленькие предметы, которые ему попадали, далеко от себя в угол комнаты, под кровать и проч., так что

разыскивание и собирание его игрушек представляло немалую работу. При этом, он произносил с выражением заинтересованности и удовлетворения громкое и продолжительное о-о-о-о!, которое, по единогласному мнению матери и наблюдателя было не просто междометием, но означало „прочь" (fort). Я, наконец, заметил, что это игра, и что ребенок все свои игрушки употреблял только для того, чтобы играть ими, отбрасывая их прочь. Однажды я сделал наблюдение, которое укрепило это мое предположение. У ребенка была деревянная катушка, которая была обвита ниткой. Ему никогда не приходило в голову, например, тащить ее за собой по полу, т.-е. пытаться играть с ней, как с тележкой, но он бросал ее с большой ловкостью, держа за нитку, за сетку своей кроватки, так что катушка исчезала за ней, и произносил при этом свое многозначительное о-о-о-о!, вытаскивал затем катушку за нитку, снова из кровати и встречал ее появление радостным „тут" (Da). Это была законченная игра, исчезновение и появление, из которых, большей частью, можно было наблюдать только первый акт, который сам по себе повторялся без устали в качестве игры, хотя большее удовольствие безусловно связывалось со вторым актом[1]).

Толкование игры не представляло уже труда. Это находилось в связи с большой культурной

---

[1]) Это толкование было потом вполне подтверждено дальнейшим наблюдением. Когда однажды мать отсутствовала несколько часов, она была по своем возвращении встречена известием „Беби о-о-о-о", которое вначале осталось непонятным. Скоро обнаружилось, что ребенок во время этого долгого одиночества нашел для самого себя средство исчезать. Он открыл свое изображение в стоячем зеркале, спускавшемся почти до полу, и затем приседал на корточки, так что изображение в зеркале уходило „прочь".

работой ребенка над собой, с ограничением своих влечений (отказ от их удовлетворения), сказавшемся в том, что ребенок не сопротивлялся больше уходу матери. Он возмещал себе этот отказ тем, что посредством бывших в его распоряжении предметов сам представлял такое исчезновение и появление как бы на сцене. Для аффективной оценки этой игры безразлично, конечно, сам ли ребенок изобрел ее или усвоил ее по чьему-либо примеру. Наш интерес должен остановиться на другом пункте. Уход матери не может быть для ребенка приятным или хотя бы безразличным. Как же согласуется с принципом удовольствия то, что это мучительное переживание ребенок повторяет в виде игры. Может быть, на это ответят, что этот уход должен сыграть роль залога радостного возвращения, собственной целью игры и является это последнее. Этому противоречило бы наблюдение, которое показывало, что первый акт, уход, как таковой, был инсценирован ради самого себя, для игры и даже гораздо чаще, чем вся игра в целом, доведенная до приятного конца.

Анализ такого единичного случая не дает точного разрешения вопроса. При беспристрастном размышлении получается впечатление, что ребенок сделал это переживание предметом своей игры из других мотивов. Он был при этом пассивен, был поражен переживанием и ставит теперь себя в активную роль, повторяя это же переживание, несмотря на то, что оно причиняет неудовольствие, в качестве игры. Это побуждение можно было бы приписать стремлению к овладению (Bemächtigungstrieb), независимому от того, приятно ли воспоминание само по себе или нет. Но можно попытаться дать и другое толкование. Отбрасы-

вание предмета, так что он исчезает, может быть удовлетворением подавленного в жизни импульса мщения матери за то, что она ушла от ребенка, и может иметь значение упрямого непослушания: „да, иди прочь, мне тебя не надо, я сам тебя отсылаю“. Этот же самый ребенок, которого я наблюдал в возрасте 1½ лет, при его первой игре, имел обыкновение годом позже бросать об пол игрушку, на которую он сердился, и говорить при этом: иди на войну! („Geh in K(r)ieg!“). Ему тогда рассказывали, что его отсутствующий отец находится на войне, и он вовсе не чувствовал отсутствия отца, но обнаруживал ясные признаки того, что не желал бы, чтобы кто-нибудь мешал ему одному обладать матерью [1]). Мы знаем о других детях, которые пытаются выразить подобные свои враждебные побуждения, отбрасывая предметы вместо лиц [2]). Здесь возникает сомнение, может ли стремление психически переработать какое-либо сильное впечатление, полностью овладеть им, выявиться как нечто первичное и независимое от принципа удовольствия. В обсуждаемом здесь случае ребенок мог только потому повторять в игре неприятное впечатление, что с этим повторением было связано другое, но прямое удовольствие.

Также и дальнейшее наблюдение детской игры не разрешает нашего колебания между двумя возможными толкованиями. Часто можно видеть, что дети повторяют в игре все то, что в жизни

---

1) Когда ребенку было 5¾ лет, умерла мать. Теперь, когда она действительно ушла „прочь“ (о-о-о) мальчик не высказывал печали. Но незадолго перед этим родился другой ребенок, который возбудил в нем сильнейшую ревность.

2) Ср. воспоминание из детства из „Dichtung und Wahrheit“, Imago, Bd. V, H. 4.

производит на них большое впечатление, что они могут при этом отреагировать силу впечатления и, так сказать, сделаться господами положения. Но, с другой стороны, достаточно ясно, что вся их игра находится под влиянием желания, доминирующего в их возрасте—стать взрослыми и делать так, как это делают взрослые. Можно наблюдать также, что неприятный характер переживания не всегда делает его негодным, как предмет игры. Если доктор осматривал у ребенка горло или произвел небольшую операцию, то это страшное происшествие, наверно, станет предметом ближайшей игры, но здесь нельзя не заметить, что получаемое при этом удовольствие проистекает из другого источника. В то время, как ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он переносит это неприятное, которое ему самому пришлось пережить, на товарища по игре, и мстит таким образом тому, кого этот последний замещает.

Из этого, во всяком случае, вытекает, что излишне предполагать особое влечение к подражанию в качестве мотива для игры. Напомним еще, что артистическая игра и подражание взрослым, которое, в отличие от поведения ребенка, рассчитано на зрителей, доставляет им как, например, в трагедии, самые болезненные впечатления и все же может восприниматься ими, как высшее наслаждение. Мы приходим, таким образом, к убеждению, что и при господстве принципа удовольствия есть средства и пути к тому, чтобы само по себе неприятное сделать предметом воспоминания и психической обработки. Пусть этими случаями и ситуациями, разрешающимися в конечном счете в удовольствие, займется построенная на экономическом принципе эстетика;

для наших целей они ничего не дают, так как они предполагают существование и господство принципа удовольствия и не обнаруживают действия тенденций находящихся по ту сторону принципа удовольствия, т.-е. таких, которые первично выступали бы, как таковые, и были бы независимыми от него.

III.

Двадцать пять лет интенсивной работы привели к тому, что непосредственные задачи психоаналитической техники в настоящее время совсем другие, чем были вначале. Вначале анализирующий врач не мог стремиться ни к чему другому, как к тому, чтобы разгадать у больного скрытое бессознательное, привести его в связный вид и в подходящую минуту сообщить ему. Психонализ прежде всего был искусством толкования. Так как терапевтическая задача этим не была решена, вскоре выступило новое стремление—понудить больного подтвердить построение психоаналитика посредством собственного воспоминания. При этом главное внимание пало на сопротивление больного: искусство теперь заключалось в том, чтобы возможно скорее вскрыть его, указать на него больному и посредством дружеского воздействия побудить оставить сопротивление (здесь достается место для внушения, действующего как „перенесение“.

Постепенно становилось все яснее, что скрытая цель сделать сознательным бессознательное и на этом пути оставалась не вполне достижимой. Больной может вспомнить не все вытесненное; больше того, он не может вспомнить как раз самого главного и не может убедиться в правильности со-

общенного ему. Он скорее вынужден повторить вытесненное в виде новых переживаний, чем вспомнить это, как часть прошлых переживаний, как хотел бы врач [1]). Это воспроизведение (Reproduktion), выступающее с такой неожиданной точностью и верностью, имеет всегда своим содержанием часть инфантильной сексуальной жизни, Эдиповского комплекса, или его модификаций, и закономерно отражается в области перенесения, т.-е. на отношениях к врачу. Если при лечении дело зашло так далеко, то можно сказать, что прежний невроз заменен лишь новым—неврозом перенесения. Врач старался возможно ограничить сферу этого невроза перенесения, возможно глубже восстановить воспоминание и возможно меньше допустить к повторению. Отношение, устанавливающееся между воспоминаниями и воспроизведениями для каждого случая бывает различным. Обыкновенно, врач, как правило, не может с‘экономить для больного эту фазу лечения. Он должен заставить снова пережить часть забытой жизни и должен следить за тем, чтобы было сохранено в должной мере то, в силу чего кажущаяся реальность сознается всегда, как отражение забытого прошлого. Если это удается, то достигается нужное убеждение больного и зависящий от этого терапевтический эффект.

Чтобы отчетливее выявить это „навязчивое воспроизведение“ (Wiederholungszwang), которое обнаруживается во время психоаналитического лечения невротиков, нужно прежде всего освободиться от ошибочного мнения, будто при преодо-

---

[1]) См. Zur Technik der Psychoanalyse, Errinern, Wieder holen und Durcharbeiten, Sammlung Kleiner Schriften zur Neuro senlehre, IV Folge S. 441. 1918. (Есть русский перевод: Психолог. и психоаналит. библиотека, Госиздат, вып. 4).

лении сопротивления имеешь дело с сопротивлением бессознательного. Бессознательное, т.-е. „вытесненное“, не оказывает вовсе никакого сопротивления стараниям врача, оно даже само стремится только к тому, чтобы прорваться в сознание, несмотря на оказываемое на него давление, или выявиться посредством реального поступка. Сопротивление лечению исходит из тех же самых высших слоев и систем психики, которые в свое время произвели вытеснение. Так как мотивы сопротивления и даже самое сопротивление представляются нам во время лечения как бессознательные, то мы вынуждены избрать более целесообразный способ выражения. Мы избегнем неясности, если мы, вместо противоставления бессознательного сознательному, будем противополагать „Я“ и „вытесненное“. Многое в „Я“ безусловно бессознательно, именно то, что следует назвать „ядром Я“.

Лишь незначительную часть этого мы покрываем именем предсознательного. После этой замены чисто описательного выражения выражением систематическим или динамическим, мы можем сказать, что сопротивление анализируемых исходит из их „Я“, и тогда мы тотчас начинаем понимать, что „навязчивое воспроизведение“ следует приписать вытесненному бессознательному. Эта тенденция, вероятно, могла бы выявиться не раньше, чем идущая навстречу работа лечения ослабит вытеснение.

Нет сомнения в том, что сопротивление сознательного и предсознательного „Я“ находится на службе у принципа удовольствия, оно имеет в виду избежать неудовольствия, которое возникает благодаря освобождению вытесненного, и наше усилие направляется к тому, чтобы посредством прин-

ципа реальности достигнуть примирения с наличностью неудовольствия. Но в каком отношении стоит „навязчивое воспроизведение“, как проявление силы вытесненного, к принципу удовольствия? Ясно, что большая часть из того, что „навязчивое воспроизведение“ заставляет пережить вновь, должно причинять „Я“ неудовольствие, так как оно способствует реализации вытесненных влечений, а это и есть, по нашей оценке, неудовольствие, не противоречащее указанному „принципу удовольствия“, неудовольствие для одной системы и одновременно удовлетворение для другой. Новый и удивительный факт, который мы хотим теперь описать, состоит в том, что „навязчивое воспроизведение“ повторяет также и такие переживания из прошлого, которые не содержат никакой возможности удовольствия, которые не могли повлечь за собой удовлетворения даже вытесненных прежде влечений.

Ранний расцвет инфантильной сексуальности был, вследствие несовместимости господствовавших в этот период желаний с реальностью и недостаточной степени развития ребенка, обречен на гибель. Он погиб в самых мучительных условиях и при глубоко болезненных переживаниях. Утрата любви и неудача оставили длительное нарушение самочувствия в качестве нарцистического рубца, которые, по моим наблюдениям и исследованиям Марциновского [1]), являются наиболее живым элементом в часто встречающемся у невротиков чувстве малоценности. „Сексуальное исследование“, которое было ограничено телесным развитием ребенка, не привело ни к какому удовле-

[1]) Marcinowski. Die erotischen Quellen der Minderwertigkeit. Zeitschrift für Sexualwissenschaft, IV, 1918.

творительному результату: отсюда позднейшие жалобы: я ничего не могу сделать, мне ничего не удается. Нежная связь, большей частью с одним из родителей другого пола, приводила к разочарованию, к напрасному ожиданию удовлетворения, к ревности при рождении нового ребенка, недвусмысленно указывавшем на „неверность“ любимого отца или матери; собственная же попытка произвести такое дитя, предпринятая с трагической серьезностью, позорно не удавалась; уменьшение ласки, отдаваемой теперь маленькому братцу, возрастающие требования воспитания, строгие слова и иногда даже наказание, все это, в конце концов, раскрыло в полном об‘еме всю выпавшую на его долю обиду. Существует несколько определенных типов такого переживания, регулярно возвращающихся после того, как приходит конец эпохе инфантильной любви.

Все эти тягостные остатки опыта и болезненные аффективные состояния повторяются невротиком в перенесении, снова переживаются с большим искусством. Невротики стремятся к срыву незаконченного лечения, они умеют снова создать для себя переживание обиды, заставляют врача прибегать к резким словам и к холодному обращению, они находят подходящие об‘екты для своей ревности, они заменяют горячо желанное дитя инфантильной эпохи намерением или обещанием большого подарка, который обыкновенно остается так же мало реальным, как и прежнее желание. Ничто из всего этого не могло тогда принести удовольствия; нужно было бы думать, что теперь это вызовет меньшее неудовольствие, если оно возникает, как воспоминание, чем если бы это претворилось в новое переживание. Дело идет, естественно, о проявлении влечений, которые

должны были бы привести к удовлетворению, но знание, что они, вместо этого, и тогда приводили к неудовольствию, ничему не научило. Несмотря на это, они снова повторяются; их вызывает принудительная сила.

То же самое, что психоанализ раскрывает на перенесении у невротиков, можно найти также и в жизни не невротических людей. У последних эти явления производят впечатление преследующей судьбы, демонической силы, и психоанализ с самого начала считал такую судьбу автоматически возникающей и обусловленной ранними инфантильными влияниями. Принуждение, которое при этом обнаруживается, не отличается от характерного для невротиков „навязчивого воспроизведения“, хотя эти лица никогда не обнаруживали признаков невротического конфликта, вылившегося в образование симптомов. Так, известны лица, у которых отношение к каждому человеку складывается по одному образцу: благодетели, покидаемые с ненавистью своими питомцами; как бы различны ни были отдельные случаи, этим людям, кажется, суждено испытать всю горечь неблагодарности; мужчины, у которых каждая дружба кончается тем, что им изменяет друг; другие, которые часто в своей жизни выдвигают для себя или для общества какое-нибудь лицо, в качестве авторитета, и этот авторитет затем после известного времени сами сбрасывают, чтобы заменить его новым; влюбленные, у которых каждое нежное отношение к женщине проделывает те же фазы и ведет к одинаковому концу и т. д. Мы мало удивляемся этому „вечному возвращению одного и того же“, когда дело идет об активном отношении такого лица, и когда мы находим постоянную черту характера, которая

должна выражаться в повторении этих переживаний. Гораздо большее впечатление производят на нас те случаи, где такое лицо, кажется, переживает нечто пассивно, где никакого его влияния не имеется, и, однако, его судьба все снова и снова повторяется. Вспомним, например, историю той женщины, которая три раза под-ряд выходила замуж, при чем все мужья ее заболевали и ей приходилось ухаживать за ними до смерти [1]). Самое захватывающее поэтическое представление такого случая дал Tasso в романтическом эпосе „Освобожденный Иерусалим“. Герой его, Танкред, нечаянно убил любимую им Клоринду, когда она сражалась с ним в вооружении неприятельского рыцаря. Он проникает после ее похорон в страшный волшебный лес, который пугает войско крестоносцев. Он разрубает там своим мечом высокое дерево, и из раны дерева течет кровь, и он слышит голос Клоринды, душа которой была заключена в этом дереве; она жалуется на то, что он снова причинил боль своей возлюбленной.

На основании таких наблюдений над работой перенесения и над судьбой отдельных людей мы найдем в себе смелость принять, что в психической жизни действительно имеется тенденция к навязчивому воспроизведению, которая выходит за пределы принципа удовольствия, и мы будем теперь склонны свести сны травматических невротиков и склонность ребенка к игре—к этой

---

[1]) Сравни меткие замечания к этому в статье: C. G. Jung, Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen. Jahrbuch f. Psychoanalyse, I, 1909. (См. рус. перев. в Психол. и психоаналит. библиотеке, вып. II, 1924).

тенденции. Во всяком случае мы должны сказать, что мы только в редких случаях можем отделить влияние навязчивого воспроизведения от действия других мотивов. Мы уже упоминали, какие иные толкования допускает возникновение детской игры. Страсть к повторению и прямое, дающее наслаждение, удовлетворение влечений кажутся здесь соединенными во внутреннюю связь. Явления перенесения состоят, повидимому, на службе у сопротивления со стороны вытесняющего „Я“; навязчивое воспроизведение также призывается на помощь нашим „Я“, которое твердо поддерживает принцип удовольствия. Рационально взвесив обстоятельства, мы уясним себе многое в том, что можно было бы назвать „судьбой“, и перестанем ощущать вовсе потребность в введении нового таинственного мотива. Менее всего подозрительным является случай снов, предвещающих несчастья, но при более близком рассмотрении нужно все же принять, что в других примерах факты не исчерпываются известными мотивами. Остается много такого, что оправдывает навязчивое воспроизведение и это последнее кажется нам более первоначальным, элементарным, обладающим большей принудительной силой, чем отодвинутый им в сторону принцип удовольствия. Если же в психической жизни существует такое навязчивое воспроизведение, то мы хотели бы узнать что-нибудь о том, какой функции оно соответствует, при каких условиях оно может выявиться и в каком отношении стоит оно к принципу удовольствия, которому мы до сих пор приписывали господство над течением процессов возбуждения в психической жизни.

IV.

Теперь мы переходим к спекуляции, иногда далеко заходящей, которую каждый, в зависимости от своей личной установки, может принять или отвергнуть. Дальнейшая попытка последовательной разработки этой идеи сделана только из любопытства, заставляющего посмотреть, куда это может привести.

Психоаналитическая спекуляция связана с фактом, получаемым при исследовании бессознательных процессов и состоящим в том, что сознательность является не обязательным признаком психических процессов, но служит лишь специальной функцией их. Выражаясь метапсихологически, можно утверждать, что сознание есть работа отдельной системы, которую можно назвать „Bw". Так как сознание есть, главным образом, восприятие раздражений, приходящих к нам из внешнего мира, а также чувств удовольствия и неудовольствия, которые могут проистекать лишь изнутри нашего психического аппарата, системе W—Bw [1]), может быть указано пространственное местоположение. Она должна лежать на границе внешнего и внутреннего, будучи обращенной к внешнему миру и облекая другие психические системы. Мы далее, замечаем, что с принятием этого, мы не открыли ничего нового, но лишь присоединились к ана-

---

[1]) „Bw"—сокращенное „Bewustsein"—система сознания—W—Bw система „Wahrnehmung—Bewustsein"—восприятие—сознание—указывающая на одно из важных положений Freud'а, выводящее сознание из системы восприятий внешнего мира. (Прим. перев.).

Сравни выводы J. Breuer'a в теоретической части его Studien über Hysterie, 1895.

томии мозга, которая локализует сознание в мозговой коре, в этом внешнем окутывающем слое нашего центрального аппарата. Анатомия мозга вовсе не должна задавать себе вопроса почему, рассуждая анатомически, сознание локализовано как раз в наружной стороне мозга, вместо того, чтобы пребывать хорошо защищенным где-нибудь глубоко внутри. Может быть, мы воспользуемся этими данными для дальнейшего об'яснения нашей системы W—Bw.

Сознательность не есть единственное свойство, которое мы приписываем происходящим в этой системе процессам. Мы опираемся на данные психоанализа, допуская, что процессы возбуждения оставляют в других системах длительные следы, как основу памяти, т.-е. следы воспоминаний, которые не имеют ничего общего с сознанием. Часто они остаются наиболее стойкими и продолжительными, если вызвавший их процесс никогда не доходил до сознания. Однако трудно предположить, что такие длительные следы возбуждения остаются и в системе W—Bw. Они очень скоро ограничили бы способность этой системы к восприятию новых возбуждений, если бы они оставались всегда сознательными, наоборот, если бы они всегда оставались бессознательными, то поставили бы пред нами задачу об'яснить существование бессознательных процессов в системе, функционирование которой обыкновенно сопровождается явлением сознания. Таким допущением, которое выделяет сознание в особую систему, мы, так сказать, ничего не изменили бы и ничего не выиграли бы. Если это и не является абсолютно решающим соображением, то все же оно может побудить нас предположить, что сознание и оставление следа в памяти несовместимы друг с дру-

том внутри одной и той же системы. Мы могли бы сказать, что в системе Bw процесс возбуждения совершается сознательно, но не оставляет никакого длительного следа; все следы этого процесса, на которых базируется воспоминание, при распространении этого возбуждения переносятся на ближайшие внутренние системы. В этом смысле я набросал схему, которую выставил в 1900 году в спекулятивной части „Толкования сновидений“. Если подумать, как мало мы знаем из других источников о возникновении сознания, то нужно отвести известное значение хоть несколько обоснованному утверждению, что сознание возникает на месте следа воспоминания.

Таким образом система Bw должна была отличаться той особенностью, что процесс возбуждения не оставляет в ней, как во всех других психических системах, длительного изменения ее элементов, но ведет как бы к вспышке в явлении осознания. Такое уклонение от всеобщего правила требует раз‘яснения посредством одного момента, приходящего на ум исключительно при исследовании этой системы, и этим моментом, отсутствующим в других системах, могло бы легко оказаться вынесенное наружу положение системы Bw, ее непосредственное столкновение с внешним миром.

Представим себе живой организм в самой упрощенной форме его в качестве недифференцированного пузырька раздражимой субстанции; тогда его поверхность, обращенная к внешнему миру, является дифференцированной в силу своего положения и служит органом, воспринимающим раздражение. Эмбриология, как повторение филогенеза, действительно показывает, что центральная нервная система происходит из эктодермы, и что серая мозговая кора есть все же потомок при-

митивной наружной поверхности, который перенимает посредством унаследования существенные ее свойства. Оказалось бы вполне возможным, что вследствие непрекращающегося натиска внешних раздражений на поверхность пузырька, его субстанция до известной глубины изменяется, так что процесс возбуждения иначе протекает на поверхности, чем в более глубоких слоях. Таким образом образовалась такая кора, которая в конце концов оказалась настолько прожженной раздражениями, что доставляет для восприятия раздражений наилучшие условия, и неспособна уже к дальнейшему видоизменению. При перенесении этого на систему Bw, это обозначало бы, что ее элементы не могли бы подвергаться никакому длительному изменению при прохождении возбуждения, так как они уже модифицированы до крайности этим влиянием. Тогда они уже подготовлены к возникновению сознания. В чем состоит модификация субстанции и—происходящего в ней процесса возбуждения, об этом можно составить себе некоторое представление, которое, однако, в настоящее время не удается еще проверить. Можно предположить, что возбуждение, при переходе от одного элемента к другому, должно преодолеть известное сопротивление и это уменьшение сопротивления оставляет длительный след возбуждения (проторение путей); в системе Bw такое сопротивление, при переходе от одного элемента к другому, не возникает. С этим представлением можно связать Breuer'овское различение покоящейся (связанной) и свободно-подвижной энергии [1]) в элементах психических систем; элементы системы

---

[1]) Studien über Hysterie von J. Breuer и S. Freud, 3 unveränd. Aufl. 1917.

Bw обладали бы, в таком случае не связанной, но исключительно свободно-отводимой энергией. Но я полагаю, что пока лучше об этих вещах высказываться с возможной неопределенностью. Все же мы связали посредством этих рассуждений возникновение сознания с положением системы Bw и с приписываемыми ей особенностями протекания процесса возбуждения.

Мы должны осветить еще один момент в живом пузырьке с его корковым слоем, воспринимающим раздражение. Этот кусочек живой материи носится среди внешнего мира, заряженного энергией огромной силы и, если бы он не был снабжен защитой от раздражения (Reizschutz), он давно погиб бы от действия этих раздражений. Он вырабатывает это предохраняющее приспособление посредством того, что его наружная поверхность изменяет структуру, присущую живому, становится в известной степени неорганической и теперь уже в качестве особой оболочки или мембраны действует сдерживающе на раздражение, т.-е. ведет к тому, чтобы энергия внешнего мира распространялась на ближайшие оставшиеся живыми слои лишь небольшой частью своей прежней силы. Эти слои, защищенные от всей первоначальной силы раздражения, могут посвятить себя усвоению всех допущенных к ним раздражений. Этот внешний слой, благодаря своему отмиранию, предохраняет зато все более глубокие слои от подобной участи, по крайней мере, до тех пор, пока раздражение не достигает такой силы, что оно проламывает эту защиту. Для живого организма такая защита от раздражений является, пожалуй, более важной задачей, чем восприятие раздражения; он снабжен собственным запасом энергии и должен больше всего стремиться защи-

щать свои особенные формы переходов этой энергии, от нивелирующего, следовательно, разрушающего влияния энергии, действующей извне и превышающей его собственную по силе. Восприятие раздражений имеет, главным образом, своей целью ориентироваться в направлении и свойствах, идущих извне раздражений, а для этого оказывается достаточным брать из внешнего мира лишь небольшие пробы и оценивать их в небольших дозах. У высоко развитых организмов, воспринимающий корковый слой бывшего пузырька, давно погрузился в глубину организма, оставив часть этого слоя на поверхности под непосредственной общей защитой от раздражения. Это и есть органы чувств, которые содержат в себе приспособления для восприятия специфических раздражителей и особые средства для защиты от слишком сильных раздражений и для задержки неадэкватных видов раздражений. Для них характерно то, что они перерабатывают лишь очень незначительные количества внешнего раздражения, они берут лишь его мельчайшие пробы из внешнего мира. Это органы чувств можно сравнить с щупальцами, которые ощупывают внешний мир и потом опять оттягиваются от него.

Я разрешу себе на этом месте кратко затронуть вопрос, который заслуживает самого основательного изучения. Кантовское положение, что время и пространство суть необходимые формы нашего мышления, в настоящее время может под влиянием известных психоаналитических данных, быть подвергнуто дискуссии. Мы установили, что бессознательные душевные процессы сами по себе находятся „вне времени". Это прежде всего означает то, что они не упорядочены во времени, что время ничего в них не изменяет, что представле-

ние о времени нельзя применить к ним. Это негативное свойство можно понять лишь путем сравнения с сознательными психическими процессами. Наше абстрактное представление о времени должно почти исключительно зависеть от свойства работы системы W—Bw и должно соответствовать самовосприятию этой последней. При таком способе функционирования системы, должен быть избран другой путь защиты от раздражения. Я знаю, что эти утверждения звучат весьма туманно, но должен ограничиться лишь такими намеками.

Мы до сих пор указывали, что живой пузырек должен быть снабжен защитой от раздражений внешнего мира. Пред тем мы утверждали, что ближайший его корковый слой должен быть дифференцированным органом для восприятий раздражений извне. Этот чувствительный корковый слой, будущая система Bw, также получает возбуждения и изнутри. Положение этой системы между наружными и внутренними влияниями и различия условий для влияний с той и другой стороны является решающим для работы этой системы и всего психического аппарата. Против внешних влияний существует защита, которая уменьшает силу этих приходящих раздражений до весьма малых доз; по отношению к внутренним влияниям такая защита невозможна, возбуждение глубоких слоев непосредственно и не уменьшаясь распространяется на эту систему, при чем известный характер их протекания вызывает ряд ощущений удовольствия и неудовольствия. Во всяком случае возбуждения, происходящие от них, будут более адэкватны способу работы этой системы по своей интенсивности и по другим качественным свойствам (например, по своей амплитуде), чем раздражения, приходящие из внешего мира. Эти

обстоятельства окончательно определяют два свойства—во-первых, превалирование ощущений удовольствия и неудовольствия, которые являются индикатором для процессов, происходящих внутри аппарата, над всеми внешними раздражениями; во-вторых, деятельность, направленная против таких внутренних возбуждений, которые ведут к слишком большому увеличению неудовольствия. Отсюда может возникнуть склонность относиться к ним таким образом, как будто они влияют не извнутри, а снаружи, чтобы к ним возможно было применить те же защитительные меры от раздражений. Таково происхождение проекции, которой принадлежит такая большая роль в происхождении патологических процессов.

У меня складывается впечатление, что мы приблизились посредством последних рассуждений к пониманию господства принципа удовольствия; но мы еще не раз'яснили тех случаев, которые ему противоречат. Поэтому сделаем шаг дальше. Такие возбуждения извне, которые достаточно сильны, чтобы проломать защиту от раздражения, мы называем травматическими. Я полагаю, что понятие травмы включает в себя понятие нарушения защиты от раздражения. Такое происшествие, как внешняя травма, вызовет наверное громадное расстройство в энергетике организма и приведет в движение все защитительные средства; принцип удовольствия при этом остается бессильным. Организм оказывается не в силах сдержать переполнение психического аппарата столь большими количествами раздражений. Возникает, скорее, другая задача, состоящая в том, чтобы победить это раздражение, психически связать эту огромную массу ворвавшихся раздражений, чтобы затем свести их на-нет.

Вероятно, специфическое неудовольствие от физической боли есть следствие того, что защита от раздражений в известной степени прорвана. От этого места периферии текут, вследствие этого, к психическому аппарату постоянные возбуждения таким же образом, каким они обыкновенно могут приходить лишь изнутри[1]). И какую иную реакцию мы можем ожидать, на этот прорыв?

Со всех сторон будет привлечена активная энергия („Besetzungsenergie“), чтобы создать соответственное высокое энергическое заполнение вокруг пострадавшего места. Создается сильнейшая „компенсация“ („Gegenbesetzung“) для осуществления которой поступаются своим запасом все другие психические системы, так что получается обширное ослабление и понижение обычной работоспособности других психических функций. На подобных примерах мы хотим научиться прилагать наши метапсихологические построения к такого рода первичным фактам. Из этого обстоятельства мы делаем вывод, что даже система с высоким энергетическим потенциалом (hochbesetztes System) может воспринимать вновь приходящую несвязанную энергию, превращая ее в покоющуюся, т.-е. „связать“ ее психически. Чем выше потенциал собственной покоящейся энергии, тем выше будет ее связывающая сила; и наоборот, чем ниже этот потенциал, тем меньше эта система будет в состоянии воспринимать, усваивать энергию, тем сокрушительнее должны быть последствия такого прорыва „защиты от раздражения“.

---

[1]) Срв. Triebe u. Triebschiksale, Sammlung Kleiner Schriften zur Neurosenlehre, (в русск. перев. см. Психолог. и психоаналит. библиотека, вып. III, статья: „Влечения и их судьба“, М.. 1923).

Неправильно было бы возражение против такого понимания, что увеличение энергетического потенциала (Besetzungen) вокруг места прорыва об‘ясняется гораздо проще прямым следствием проникающих сюда масс возбуждений. Если бы это было так, то психический аппарат испытал бы только увеличение своего энергетического потенциала, а ослабляющий характер боли, ослабление всех других систем остались бы необ‘яснимыми. Даже самые сильные, нарушающие действия боли, не противоречат нашему об‘яснению, так как они происходят рефлекторно, т.-е. они возникают без посредства психического аппарата. Неопределенность всех наших построений, которые мы называем метапсихологическими, происходит, конечно, от того, что мы ничего не знаем о природе процесса возбуждения в элементах психических систем и не чувствуем себя в праве делать даже какое-либо предположение; в этом отношении, мы оперируем, таким образом, с большим X, который мы переносим в каждую новую формулу. Что этот процесс совершается с количественно-различной энергией—это легко допустимое предположение; что он имеет также больше, чем одно качество (например, в виде амплитуды), может быть для нас вероятным; мы принимаем в качестве новой формулировки предположение Breuer‘a, что дело идет здесь о двух формах энергии: текущей свободно, стремящейся к разряду и покоящемся запасе психических систем (или их элементов). Возможно, что мы уделим место предположению, что „связывание“ втекающей в психический аппарат энергии состоит в переведении ее из свободно текущего в покоящееся состояние.

Я полагаю, что нужно сделать попытку к пониманию обыкновенного травматического невроза,

как последствия обширного прорыва „защиты от раздражений". Этим восстановлено было бы в своих правах старое наивное учение о шоке, в противоположность, повидимому, более новому и психологически более требовательному учению, которое приписывает этиологическое значение не механическому воздействию силы, а испугу и угрозе жизни. Но эти противоречия не трудно примирить; ведь психоаналитическое понятие травматического невроза не идентично с грубой формой теории шока. Если последняя об'ясняет сущность шока непосредственным повреждением молекулярной или гистологической структуры нервных элементов, то мы стараемся понять его влияние из прорыва „защиты от раздражений" и из возникающих отсюда задач. Испуг не теряет своего значения и для нас. Условием для него служит отсутствие подготовленности в виде боязни, которая создает переизбыток энергии (Überbesetzung) в системах, ближе всего воспринимающих раздражение. Вследствие такого пониженного энергетического потенциала системы не в состоянии связывать приходящие к ним количества возбуждения, и тем легче осуществляются указанные последствия такого прорыва „защиты от раздражений". Мы находим, таким образом, что подготовленность в виде боязни с повышением энергетического потенциала воспринимающей системы представляют последнюю линию защиты от раздражения. Для целого ряда травм такая разница между неподготовленными и подготовленными посредством повышения потенциала системами может быть решающим моментом для их исхода; он больше не будет зависеть от самой силы травмы. Если сновидения травматических невротиков возвращают больных так регулярно в обстановку катастрофы, то они во вся-

ком случае не являются исполнением желания, галлюцинаторное осуществление которого сделалось функцией при господстве принципа удовольствия. Но мы должны допустить, что они осуществляют другую задачу, разрешение которой должно произойти раньше, чем принцип удовольствия начнет осуществлять свое господство. Эти сны стараются справиться с раздражением посредством развития чувства боязни, отсутствие которого стало причиной травматического невроза. Они бросают, таким образом, свет на функцию психического аппарата, которая, не противореча принципу удовольствия, все же независима от него и кажется первоначальнее, чем стремление к удовольствию и избегание неудовольствия.

Здесь было бы уместно впервые признать исключение из правила, что сон есть исполнение желания. Страшные сны (Angstträume) не представляют подобного исключения, как я неоднократно и подробно доказывал, также и „наказывающие“ сны (Strafträume), так как они воздают должное наказание за исполнение запрещенного желания и являются, таким образом, исполнением желания особого „чувства вины“, реагирующего на вытесненное влечение. Но вышеупомянутые сны травматических невротиков нельзя рассматривать под углом зрения исполнения желания, и в такой же малой степени это возможно по отношению встречающихся в психоанализе снов, которые воспроизводят воспоминания о психических инфантильных травмах. Они скорее повинуются тенденции к навязчивому воспроизведению, которое подкрепляется в процессе психоанализа далеко не бессознательным желанием—выявить забытое и вытесненное. Таким образом функция сновидения, заключающаяся в устранении поводов к прекращению

сна посредством исполнения мешающих ему желаний, оказывается не первоначальной; сон мог бы лишь в том случае осилить эти мешающие ему возбуждения, если бы вся психическая жизнь признала бы господство принципа удовольствия. Если же существует „по ту сторону принципа удовольствия“, то вполне можно допустить и некоторую эпоху, предшествующую тенденции исполнения желания во сне.

Это не противоречит более поздней функции сна. Однако, если эта тенденция в чем-либо нарушена, встает следующий вопрос: возможны ли в психоанализе такие сны, которые в интересах психического связывания травматических впечатлений следуют тенденции навязчивого воспроизведения? На это нужно ответить безусловно утвердительно.

По отношению „военных“ неврозов, поскольку это название обозначает нечто большее, чем простое отношение к обстоятельствам этого заболевания, я доказал в другом месте, что они очень легко могли бы быть травматическим неврозом, возникновение которого было облегчено конфликтом „Я“ (Ich-Konflikt) [1]).

Упомянутый выше факт, что одновременное большое ранение уменьшает посредством большой травмы шансы на возникновение травматического невроза, теперь будет более понятен, особенно, если вспомнить о двух обстоятельствах, подчеркнутых психоаналитическим исследованием: во-первых, что механические потрясения должно рассматривать, как один из источников сексуального возбуждения (срв. замечания о влиянии качания и

[1]) Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen, Einleitung, Internationale Psychoanalytische Bibliotek. № 1, 1919.

езды по железной дороге в „Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie“, 4 Aufl., 1920 г.) и, во-вторых, что болезненное и лихорадочное состояние сильно влияет во время своего течения на распределение либидо. Таким образом, механическая сила травмы освобождает то количество сексуального возбуждения, которое действует травматически вследствие недостаточной подготовленности к испугу, одновременное же ранение тела при помощи нарциссгического сосредоточения либидо в пострадавшем органе связывает излишек возбуждения (см. Zur Einführung des Narziszmus, Kleine Schriften zur Neurosenlehre, 4. Folge, 1918 г.—Русск. перевод Психол. и психоанал. библиот. Гиз, 1924, вып. VIII).

Известно также, но недостаточно оценено для теории либидо то, что такие тяжелые нарушения в распределении либидо, как меланхолия, могут быть на время ликвидированы посредством какой-либо привходящей органической болезни и что даже состояние вполне развитой dementia praecox при названных условиях может быть временно задержано и даже возвращено к прежним, менее болезненным состояниям.

V.

Отсутствие защиты от раздражений у воспринимающего внутренние раздражения коркового слоя имеет своим последствием то, что перемещение раздражений получает большее экономическое значение и часто дает повод к нарушениям экономики организма, которые могут быть сопоставлены с травматическим неврозом. Самыми основными источниками такого внутреннего раздражения служат так называемые влечения организма, которые являются представите-

лями всех действующих сил, возникающих внутри организма и переносимых на психический аппарат; именно они и являются самым важным и самым темным элементом психологического исследования.

Пожалуй, мы не найдем слишком смелым предположение, что исходящие от этих влечений действия являются по типу не связанным, а свободно-подвижным, стремящимся к разряду, нервным процессом. Самое большее, что мы знаем об этих процессах, дает изучение сновидений. При этом мы обнаружили, что процессы в бессознательных системах коренным образом отличны от процессов (пред-) сознательных, что в бессознательном отдельные заряды энергии легко могут быть целиком перенесены, передвинуты, сгущены. Если бы то же самое случилось с материалом предсознательного, это привело бы к нелепым результатам; поэтому получаются известные нам странности в явном содержании сна, после того как предсознательные остатки дня подверглись переработке, согласно законам бессознательного. Я назвал это свойство таких процессов в бессознательном—„первичным“ психическим процессом, в отличие от соответствующих нашему нормальному бодрствованию „вторичных“ процессов.

Так как все влечения возникают в бессознательных системах, вряд ли будет новым, если скажем, что они следуют первичному процессу; с другой же стороны, мы имеем мало основания отожествить первичный психический процесс со свободно движущимся напряжением, а вторичный процесс с изменениями связанного или тонического нервного напряжения Breuer'а [1]). Задачей более высоких

[1]) Ср. Traumdeutung, гл. VII.

слоев психического аппарата было бы, в таком случае, связывать достигающие до него влечения, которые возникли в „первичном“ процессе. Неудача этого связывания вызвала бы нарушение, аналогичное травматическому неврозу; только если последовало бы такое связывание, стало бы возможным беспрепятственное продолжение господства принципа удовольствия (и его модификации — принципа реальности). Но до тех пор выступала бы на первое место другая задача психического аппарата, состоящая в овладении возбуждением или связывании его, и собственно, не противоречащая принципу удовольствия, но независящая от него, часто даже не имеющая его в виду.

Проявления навязчивого воспроизведения, которое мы встретили в психической жизни раннего детства и в случаях из психоаналитической практики, отличаются непреодолимым, а там, где находятся в противоречии с принципом удовольствия, „демоническим“ характером. Мы полагаем, что в детской игре ребенок повторяет даже неприятные переживания, так как он, благодаря своей активности, значительно более овладевает сильным впечатлением, чем это возможно при обыкновенном пассивном переживании. Каждое новое воспроизведение стремится как-будто бы закрепить это желанное овладение, и даже при приятных переживаниях ребенок не может насытиться этими повторениями и будет упрямо настаивать на повторении тех же впечатлений. Эта черта характера должна впоследствии исчезнуть. Услышанная во второй раз острота пройдет почти незамеченной, театральное представление никогда не доставит такого впечатления во второй раз, которое оно произвело в первый; взрослого трудно

заставить тотчас же перечитать даже ту книгу, которая очень понравилась. Всегда условием удовольствия будет его новизна.

Ребенок же не устанет требовать повторения показанной ему взрослым игры, пока тот не откажет ему окончательно, и, если ему рассказали интересную сказку, ему хочется слышать все снова и снова эту сказку, вместо новой: он настаивает беспрестанно на повторении того же самого и исправляет всякое изменение, которое вставляет рассказчик для того, чтобы внести разнообразие. При этом здесь нет противоречия принципу удовольствия; бросается в глаза, что это повторение, нахождение того же самого, составляет само по себе источник удовольствия. Наоборот, у подвергаемого анализу кажется ясным, что навязчивое воспроизведение в перенесении отношений его инфантильного периода, во всяком случае, выводит за пределы принципа удовольствия. Больной при этом ведет себя, как ребенок, и показывает нам, что вытесненные следы воспоминаний о его ранних переживаниях находятся в нем не в связанном состоянии, а также до известной степени не способны к переходу во вторичный процесс. Этому свойству обязаны они своими способностями образовывать, посредством присоединения к следам дневных переживаний, проявляющиеся во сне фантазии исполнения желаний. Это навязчивое воспроизведение является для нас часто препятствием в терапевтической работе, когда мы в конце лечения хотим провести отрешение от лечащего врача, и нужно предположить, что тайная боязнь у людей, не посвященных в анализ, которые боятся пробудить что-либо, что, по их мнению лучше оставить в спящем состоянии, имеет в основе именно страх

перед наступлением такой демонической навязчивости.

Каким же образом связаны между собой влечения и навязчивое воспроизведение? Здесь мы приходим к мысли, что мы набрели на следы самого характера этих влечений, возможно даже, всей органической жизни, до сих пор бывших для нас неясными или, во всяком случае, недостаточно подчеркнутыми. Влечение, с этой точки зрения, можно было бы определить, как наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния, которое под влиянием внешних препятствий живое существо принуждено было оставить, в некотором роде органическая эластичность, или — если угодно, выражение косности в органической жизни [1]).

Это определение влечения звучит странно, так как мы привыкли видеть во влечении момент, сремящийся к изменению и развитию, и должны теперь признать как раз противоположное, выражение консервативной природы живущего. С другой стороны, нам попадаются очень скоро примеры из жизни животных, которые как-будто бы подтверждают историческую обусловленность влечений.

Если некоторые рыбы во время метания икры предпринимают трудные путешествия, чтобы отложить икру в известных водах, далеко удаленных от их обычного пребывания, то, по мнению многих биологов, они отыскивают лишь прежние места, которые они в течение времени переменили на другие. То же относится и к странствованию

---

[1]) Я не сомневаюсь, что подобные предположения о природе „влечений“ уже неоднократно высказывались.

перелетных птиц, но поиски дальнейших примеров указывают нам очень скоро, что в феноменах наследственности и фактах эмбриологии мы имеем великолепные примеры органического „навязчивого воспроизведения". Мы видим, что зародыш животного принужден повторить в своем развитии структуру всех тех форм, пусть даже в беглом и укороченном виде, от которых происходит это животное, вместо того, чтобы поспешить кратчайшим путем к его конечному образу; это обстоятельство мы можем об'яснить механически лишь в незначительной степени и не должны оставлять в стороне историческое об'яснение. Таким же образом далеко в историю животного мира восходит способность замещения утраченного органа посредством образования взамен другого, совершенно одинакового.

Следует тут же отметить и возражение, что кроме консервативных влечений, которые принуждают к повторениям, есть и такие, которые стремятся дать новые образы и ведут к прогрессу; это возражение должно быть предусмотрено и позже в наших рассуждениях. Однако нам кажется заманчивым проследить до последних выводов то предположение, что все влечения стремятся восстановить прежнее состояние. Пусть это покажется чересчур „глубокомысленным", или пусть прозвучит мистически, но все же мы чувствуем себя свободными от упрека, что мы стремились к чему-либо подобному. Мы ищем трезвых результатов исследования или основанного на нем рассуждения и не стремимся ни к чему другому, как к достоверности.

Если, таким образом, все органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены к регрессу, к восстановлению преж-

них состояний, то мы должны все последствия органического развития отнести за счет внешних, мешающих и отклоняющих влияний.

Элементарная сущность жизни с самого своего начала не должна стремиться к изменению, должна постоянно при неизменяющихся условиях повторять обычный жизненный путь. Но ведь, в конечном счете, именно история развития нашей земли и ее отношений к солнцу, есть то, что наложило свой отпечаток на развитие организмов.

Консервативные органические влечения восприняли каждое из этих вынужденных отклонений от жизненного пути, сохранили их для повторения и должны произвести, таким образом, обманчивое впечатление сил, стремящихся к изменению и прогрессу, в то время, как они пытаются достичь прежней цели на старых и новых путях. Однако, и эта конечная цель всякого органического стремления могла бы легко быть узнана. Если бы целью жизни было еще никогда не достигнутое ею состояние, это противоречило бы консервативной природе влечений. Скорее здесь нужно было бы искать старого исходного состояния, которое живущее существо однажды оставило и к которому стремится обратно чрез все окольные пути развития. Если мы примем, как недопускающий исключений факт, что все живущее, вследствие *внутренних* причин, умирает, возвращается к неорганическому, то мы можем сказать: *целью всякой жизни является смерть*, и обратно,— *неживое было раньше живущего*.

Некогда, какими-то совершенно неизвестными силами пробуждены были в неодушевленной материи свойства живого. Возможно, что это был процесс, подобный тому, каким в известном слое

живой материи впоследствии должно было образоваться сознание. Возникшее тогда в неживой перед тем материи напряжение стремилось уравновеситься: это было первое влечение возвратиться к неживущему. Тогда живая субстанция могла легко умереть, жизненный путь был, вероятно, короток, направление его было предопределено химической структурой молодой жизни. В течение долгого времени молодая субстанция могла создаваться все снова и снова и легко могла умирать, пока внешние определяющие причины не изменились настолько, что принуждали оставшуюся в живых субстанцию к все большим отклонениям от первоначального жизненного пути и к более сложным окольным путям для достижения цели—смерти. Эти окольные пути к смерти, надежно охраняемые консервативными влечениями, дают нам теперь картину жизненных явлений. Если придеживаться мнения об исключительно консервативной природе влечений, нельзя притти к другим предположениям о происхождении и цели жизни.

Так же странно, как эти заключения, звучит тогда то, что можно вывести в отношении больших групп влечений, которые мы констатируем за этими жизненными проявлениями организмов.

Положение о существовании влечения к самосохранению, которое мы приписываем каждому живому существу, стоит в заметном противоречии с утверждением, что вся жизнь влечений направлена на достижение смерти. Рассматриваемое в этом свете влечение к самосохранению, к власти и самоутверждению теоретически сильно ограничивается; они являются парциальными влечениями, предназначенными к тому, чтобы обеспечить организму собственный путь к смерти и избежать

всех других возможностей возвращения к неорганическому состоянию, кроме имманетных ему. Таким образом отпадает загадочность стремления организма, как—будто не стоящая ни в какой связи ни с чем,—самоутвердиться во что бы то ни стало. Остается признать, что организм хочет умереть только по своему; и эти „сторожа жизни" были первоначально слугами смерти. К этому присоединяется парадоксальное утверждение, что живой организм противится самым энергичным образом опасностям, которые бы могли помочь ему достичь своей цели самым коротким путем (так сказать, коротким замыканием), но это поведение характеризует только примитивные формы влечений, в противоположность сознательным стремлениям организма [1]).

Но отдадим себе отчет: ведь этого не может быть! Совсем в другом свете покажутся нам тогда сексуальные стремления, для которых учение о неврозах определило особое положение.

Не все организмы подчинены внешнему принуждению, которое стимулировало к все далее идущему развитию. Многим удалось сохранить себя до настоящего времени на своей самой низкой ступени развития; еще теперь живут, если не все, то все же многие живые существа, которые должны быть подобны примитивнейшим формам высших животных и растений. Таким же образом не все элементарные организмы, составляющие сложное тело высшего организма, проделывают этот путь развития полностью до естественной смерти. Некоторые среди них, например, зародышевые клетки, сохраняют, вероятно, первоначаль-

---

[1]) Срв., впрочем, следующую далее поправку этого крайнего взгляда на инстинкт самосохранения.

ную структуру живой субстанции и к известному времени отделяются от организма, наделенные всеми унаследованными и вновь приобретенными способностями. Вероятно, как раз эти оба свойства дают им возможность и самостоятельного существования. Поставленные в хорошие условия, они начинают развиваться, т.-е. повторять игру, которой они обязаны своим существованием, и это кончается тем, что одна часть их субстанции продолжает свое развитие до конца, в то время, как другая, в качестве нового зародышевого остатка, снова начинает развитие сначала.

Таким образом эти зародышевые клетки противодействуют умиранию живой субстанции и достигают того, что нам может показаться потенциальным бессмертием, в то время как это, вероятно, означает лишь удлиннение пути к смерти. В высокой степени многозначителен для нас тот факт, что зародышевая клетка укрепляется и, вообще, становится приспособленной для этой работы посредством слияния с другой, ей подобной и все же от нее отличающейся.

Влечения, имеющие в виду судьбу элементарных частиц, переживающих отдельное существо, старающиеся поместить их в надежное место, пока они беззащитны против раздражений внешнего мира, и ведущие к соединению их с другими зародышевыми клетками и т. д., составляют группу сексуальных влечений. Они в том же смысле консервативны, как и другие, так как воспроизводят ранее бывшие состояния живой субстанции, но они еще в большей степени консервативны, так как особенно сопротивляются внешним влияниям, и далее, еще в более широком смысле, так как они сохраняют самую жизнь на более длительные времена. Они-то собственно и явля-

ются влечениями жизни; то, что они действуют в противовес другим влечениям, которые по своей функции ведут к смерти, составляет имеющуюся между ними противоположность, которой учение о неврозах приписывает большое значение. Это как бы замедляющий ритм в жизни организмов; одна группа влечений стремится вперед, чтобы возможно скорее достигнуть конечной цели жизни, другая на известном месте своего пути устремляется обратно, чтобы проделать его снова от известного пункта и удлинить таким образом продолжительность пути. Но, если даже сексуальность и различие полов не существовали к началу жизни, то все же остается возможным, что влечения, которые впоследствии стали обозначаться, как сексуальные, в самом начале вступили в деятельность и начали свое противодействие игре влечений „Я“ вовсе не в какой-нибудь более поздний период.

Обратимся же теперь назад, чтобы спросить, не лишены ли все эти рассуждения всякого основания. Нет ли действительно каких-либо других влечений, за исключением сексуальных, кроме тех, которые стремятся к восстановлению прежних состояний, и нет ли таких, которые стремятся к чему-нибудь еще недостигнутому. Я не знаю в органическом мире достоверного примера, который противоречил бы предложенной нами характеристике. Нельзя установить общего влечения к высшему развитию в царстве животных и растений, хотя такая тенденция в развитии фактически бесспорно существует. Но с одной стороны, это в большой мере лишь дело нашей оценки, если одну ступень развития мы считаем выше другой, а с другой стороны, наука о живых организмах показывает нам, что прогресс в одном

пункте очень часто покупается или уравновешивается регрессом в другом. Имеется также достаточно животных, исследование ранних форм которых говорит нам, что их развитие скоро приобретает регрессирующий характер. Прогрессирующее развитие так же, как и регрессирующее, могут оба быть последствиями внешних сил, принуждающих к приспособлению, и роль влечений для обоих случаев могла ограничиться тем, чтобы закрепить вынужденное изменение, как источник внутреннего удовольствия [1]).

Многим из нас было бы тяжело отказаться от веры в то, что в самом человеке пребывает стремление к усовершенствованию, которое привело его на современную высоту его духовного развития и этической сублимации, и от которого нужно ожидать, что оно будет содействовать его развитию до сверхчеловека. Но я лично не верю в существование такого внутреннего стремления и не вижу никакого смысла щадить эту приятную иллюзию. Прежнее развитие человека кажется мне не требующим другого об‘яснения, чем развитие животных, и то, что наблюдается у небольшой части людей в качестве постоянного стремления к дальнейшему усовершенствованию, становится легко понятным, как последствие того вытеснения влечений, на котором построено самое драгоценное в человеческой культуре. Вытесненное влечение

---

[1]) S. Ferenzi дошел до этого определения, идя по другому пути (Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes, Intern. Zeitschr. f. Psychoanalyse, Bd. I, 1913): „при последовательном проведении этого хода мыслей нужно свыкнуться с идеей о господствующей и в органической жизни тенденции задержки на месте или регресса, в то время, как тенденция развития вперед приспособления и проч. становится актуальной лишь в ответ на внешнее раздражение“ (S. 137).

никогда не перестает стремиться к полному удовлетворению, которое состоит в повторении в первый раз пережитого удовлетворения; все замещения, реактивные образования и сублимация недостаточны, чтобы прекратить его задержанное напряжение, и из разности между полученным и требуемым удовольствием от удовлетворения влечения, — возникает побуждающий момент, который и не позволяет останавливаться ни на одной из представляющихся ситуаций, но, по словам поэта, „стремится неудержимо все вперед“ (Мефистофель в „Фаусте“, 1, Кабинет Фауста). Путь назад к полному удовлетворению, как правило, закрыт препятствиями, которые поддерживают вытеснение, и таким образом, не остается ничего другого, как итти вперед, по другому, еще свободному пути развития, во всяком случае без видов закончить этот процесс и достичь цели. Процессы при образовании невротической фобии, которые суть не что иное, как попытка к бегству от удовлетворения влечения, дают нам прообраз возникновения этого кажущегося „стремления к усовершенствованию“, которое мы, однако, не можем приписать всем человеческим индивидуумам.

Хотя динамические условия для этого и имеются повсюду, но экономические обстоятельства только в редких случаях могут способствовать этому феномену.

VI.

Полученные нами результаты, которые устанавливают резкую противоположность между влечениями „Я“ и сексуальными влечениями, сводя первые к смерти, а последние — к сохранению жизни, во многом нас, наверно, не удовлетворят. К этому надо присоединить, что консервативный

или, вернее, регрессирующий характер влечения, соответствующий навязчивому воспроизведению, мы принимаем, собственно, только для первых, ибо по нашему предположению, „влечения Я" непосредственно восходят к возникновению жизни в неживой материи и имеют тенденцию снова вернуться к неорганическому состоянию. Напротив, относительно сексуальных влечений бросается в глаза, что они репродуцируют примитивные состояния живого существа, но преследуемая ими всеми способами цель состоит в соединении двух дифференцированных известным образом зародышевых клеток. Если это соединение не происходит, тогда зародышевая клетка умирает, подобно всем другим элементам многоклеточного организма. Только при условии соединения их половая функция может продолжать жизнь и придать ей видимость бессмертия. Однако, что же это за важный момент в процессе развития живой субстанции, который повторяется посредством полового размножения или его предвестника,—копуляции двух индивидуумов среди протистов?

На это мы не можем ответить, и потому для нас было бы облегчением, если бы все наше построение оказалось ошибочным. Противоположность „влечений Я" (к смерти) и влечений сексуальных (к жизни) отпала бы тогда, а вместе с этим ограничилось бы и значение, приписываемое навязчивому воспроизведению.

Поэтому вернемся к одной из задетых нами гипотез, в ожидании, что ее можно будет целиком опровергнуть. Исходя из нашего предположения, мы сделали выводы, что все живущее должно вследствие внутренних причин умереть. Мы сделали это предположение так беспечно, именно потому, что его смысл представляется нам совсем

иным. Мы привыкли так мыслить, наши поэты укрепляют нас в этом. Мы, возможно, решились на это потому, что в этом веровании таится утешение. Если уж суждено самому умереть и потерять пред тем своих любимых, то все же хочется скорее подчиниться неумолимому закону природы, величественной Ананке, чем случайности, которая могла бы быть избегнута.

Но, может быть, эта вера во внутреннюю закономерность смерти также лишь одна из иллюзий, созданных нами, „чтобы вынести тяжесть существования“? Во всяком случае, это верованье не первоначально, первобытным народам чужда идея о „естественной“ смерти; они приписывают каждый смертный случай влиянию врага или какого-либо злого духа. Поэтому мы должны обратиться для проверки этого верованья к научной биологии.

Если мы поступим таким образом, мы будем удивлены, узнав, как расходятся биологи в вопросе о естественной смерти, и что у них понятие о смерти, вообще, остается неуловимым. Констатирование средней продолжительности жизни, по крайней мере, у высших животных, говорит, конечно, за внутренние причины смерти, но то обстоятельство, что отдельные большие животные и колоссальные деревья достигают очень высокого и до сих пор не определенного возраста, разбивает снова это впечатление. По великолепному определению W. Fliess'а, все проявления жизни организмов, также и смерть в том числе,—связаны с исполнением известных сроков, среди которых выделяется зависимость двух живых существ, мужского и женского,—от солнечного года. Но наблюдения, показывающие, насколько легко и в каких пределах внешние влияния могут из-

менять проявления жизни в их временной смене, главным образом, из царства растений, т.-е. ускорять их или задерживать, противятся сухим формулам Fliess'a и заставляют, по крайней мере, усомниться в том, что существуют только одни выдвинутые им законы.

Самый большой интерес вызывает исследование продолжительности жизни и смерти организмов в работах A. Weissmann'a [1]).

К этому исследованию восходит разделение живущей субстанции на смертную и бессмертную половину; смертная—это тело в узком смысле, сома, подверженная естественной смерти; зародышевые же клетки потенциально бессмертны, поскольку они в состоянии, при известных благоприятных обстоятельствах, развиться в новый индивидуум, или иначе выражаясь, окружить себя новой сомой [2]).

Что нас здесь привлекает, это неожиданная аналогия с нашим собственным определением, возникшим на совершенно ином пути. Weissmann, рассматривающий живую субстанцию с точки зрения морфологической, находит в ней составную часть, подверженную смерти, сому, тело, независимо от пола и наследственности, а также часть бессмертную, именно эту зародышевую плазму, которая служит для сохранения вида, для размножения.

Мы же рассматривали не самую живую материю, но действующие в ней силы, и пришли отсюда к различению двух родов влечений, таких, которые ведут жизнь к смерти, и других, а именно

---

[1]) Über die Dauer des Lebens, 1882; Über Leben und Tod, 1892; Das Keimplasma, 1892, и др.

[2]) Über Leben und Tod, 2. Aufl., 1892, S. 20.

сексуальных влечений, которые постоянно стремятся к обновлению жизни. Это звучит в качестве динамического коррелата к морфологической теории Weissmann'a.

Но видимость этого совпадения быстро улетучивается, когда мы знакомимся с разрешением Weissmann'ом проблемы смерти. Ведь Weissmann допускает различие смертной сомы от бессмертной зародышевой плазмы лишь у многоклеточных организмов, а у одноклеточных животных индивид и клетка, служащая для продолжения рода, по его мнению, есть то же самое [1]). Таким образом он рассматривает одноклеточные, как потенциально бессмертные, смерть наступает лишь у Metazoa (многоклеточных). Эта смерть высших живых существ есть естественная смерть от внутренних причин, но она опирается не на первобытные свойства живой субстанции [2]), не может быть понята, как абсолютная необходимость обоснованная на существе жизни [3]). Смерть есть больше признак целесообразности, проявление приспособляемости к внешним условиям жизни, так как при разделении клеток тела на сому и зародышевую плазму, неограниченная продолжительность жизни индивидуума была бы совершенно нецелесообразной роскошью.

С наступлением этой дифференцировки у многоклеточных, смерть стала возможной и целесообразной. С этой стадии сома высших организмов умирает, вследствие внутренних причин, к определенному времени, простейшие же оста-

---

[1]) Dauer des Lebens, S. 38.
[2]) Leben und Tod, 2. Aufl., S. 67.
[3]) Dauer des Lebens, S. 33.

лись бессмертными. Напротив, размножение введено было не со смертью, а представляет собой первобытное свойство живой материи, как, например, рост, из которого оно произошло, и жизнь осталась на земле с самого своего начала беспрерывной [1]).

Легко заметить, что признание естественной смерти для высших организмов мало помогает разрешению нашего вопроса. Если смерть есть лишь позднейшее приобретение живых существ, то влечения к смерти, которые восходят к самому началу жизни на земле, опять остаются без внимания. Многоклеточные могут умирать от внутренних причин, от недостатков их дифференциации или от несовершенства обмена веществ; для вопроса, который нас интересует, это не имеет значения.

Такое понимание происхождения смерти лежит гораздо ближе к обыкновенному мышлению человека, чем странная гипотеза о „влечениях к смерти".

Дискуссия, поднятая теорией Weissmann'а, по моему, не достигла решения ни в каком отношении [2]).

Некоторые авторы вернулись к точке зрения Goette (1883), который видел в смерти прямое следствие размножения.

Hartmann считает характерным для смерти не появление „трупа", этой отмершей части живой субстанции, а определяет ее, как „окончание индивидуального развития".

---

[1]) Über Leben und Tod, Schluss.

[2]) Max Hartmann, Tod und Fortpflanzung, 1906. Alex. Lipschütz, Warum wir sterben. Kosmos-Bücher, 1914; Franz Doflein, Das Problem des Todes und der Unsterblichkeit bei den Pflanzen und Tieren 1919.

В этом смысле смертны и Protozoa, смерть совпадает у них с размножением, но этим она известным образом затуманивается у них, так как субстанция производящего животного непосредственно переводится в субстанцию молодого потомка (l. c., S. 29).

Интерес исследования вскоре устремился к экспериментальному выяснению этого утверждаемого бессмертия живой субстанции на одноклеточных. Американец Woodruff воспитал ресничную инфузорию, „туфельку“, которая размножается посредством деления на два индивидуума, и проследил до 3029-й генерации, на которой он прервал этот опыт; каждый раз он изолировал одну из отделившихся частиц и помещал в свежую воду. Этот поздний потомок первой „туфельки“ был так же свеж, как его предок, без всяких следов состаривания или вырождения. Этим, казалось, экспериментально может быть доказано (если эти числа достаточно доказательны) бессмертие протистов [1]).

Другие исследователи пришли к иным результатам.

Maupas, Calkins и др., в противоположность Woodruff'у, нашли, что и эти инфузории после определенного числа делений становятся слабее, убывают в величине, теряют часть своего тела и, в конце концов, умирают, если не получают каких-либо особых освежающих влияний.

Согласно этому, Protozoa умирали после известной фазы старости, совершенно так же, как и высшие животные, в противоположность утвеждению Woodruff'а, который считает смерть лишь более поздним приобретением живых организмов.

---

[1]) Ср. с этим и с дальнейшим Lipschütz, l. c. S. 26 и 52 сл.

Из сопоставления этих исследований мы выводим два факта, которые кажутся нам имеющими твердую основу. Во-первых: если эти животные, в определенный момент, когда еще не проявляют признаков старости, сливаются между собой по двое, „копулируют", после чего они через некоторое время снова раз'единяются, то они избегают старости, они, так сказать, „омолаживаются". Эта „копуляция" есть предвестник полового продолжения рода высших существ; она еще не имеет ничего общего с размножением, ограничивается смешением субстанции обоих индивидуумов (Амфимиксис Weissmann'а). Освежающее влияние копуляции может быть также заменено определенными раздражающими средствами, изменениями в составных частях питательной среды, в температуре или сотрясением. Нужно вспомнить об известном опыте J. Loeb'а, который вызывал у яиц морского ежа, посредством химических раздражителей, явления деления, наступающие обыкновенно только после оплодотворения.

Во-вторых: весьма вероятно, что инфузорий ведут к смерти их собственные жизненные процессы, так как противоречие между результатами Woodruff'а и других происходит от того, что Woodruff помещал каждую новую генерацию в свежую питательную жидкость. Если бы он этого не делал, он наблюдал бы те же старческие изменения генераций, как и другие исследователи. Он сделал вывод, что этим маленьким животным вредят продукты обмена веществ, которые они отдают окружающей жидкости, и мог убедительно доказать, что только продукты собственного обмена веществ оказывают действие, ведущее к смерти генерации, ибо эти животные созревали великолепно в растворе, который был насыщен продук-

тами распада отдаленного родственного вида, и безусловно вымирали, собранные в своей собственной питательной жидкости. Таким образом инфузория умирает, предоставленная сама себе, естественной смертью вследствие несовершенства в устранении своих собственных продуктов обмена веществ; но может быть, и высшие животные умирают, в основе, вследствие такого же недостатка.

Для нас может, вообще, стать сомнительным, имеет ли смысл искать разрешения вопроса о естественной смерти в изучении Protozoa.

Примитивная организация этих существ, может затуманить весьма важные обстоятельства, которые, хотя и имеются у них, но обнаруживаются лишь у высших животных, когда они достигли морфологической выраженности.

Если мы оставим морфологическую точку зрения и примем динамическую, то нам может, вообще, стать безразличным, можно ли доказать естественную смерть Protozoa или нет. Субстанция, которую впоследствии выделяют, как бессмертную, ни в какой мере не отделена у них от умирающей. Силы влечений, переводящие жизнь в смерть, могут с самого начала действовать в них, и все же их эффект может быть скрыт сохраняющими жизнь силами, так что прямое распознание первых становится очень трудным.

Во всяком случае, мы слышали, что наблюдения биологов позволяют нам принять такие внутренние процессы, ведущие к смерти, и для протистов. Но, если даже протисты оказываются бессмертными в смысле Weissmann'а, то его утверждение, что смерть есть позднее приобретение, остается в силе лишь для явных проявлений смерти, и не делает невозможным допущение

о тенденциях, влекущих к смерти. Наше ожидание, что биология легко устранит признание влечений к смерти, не оправдалось.

Мы можем продолжать выяснять эту возможность, если мы, вообще, имеем для этого основание. Удивительное сходство Weissmnna'овского разделения на сому и зародышевую плазму с нашим делением на влечения к смерти и к жизни остается и получает снова свое значение.

Остановимся вкратце на этом резко дуалистическом понимании жизни влечений. По теории F. Hering'а о процессах в живой субстанции, в ней происходят беспрерывно два рода процессов противоположного направления, одни созидающего — ассимиляторного, другие разрушающего—диссимиляторного типа. Должны ли мы попытаться узнать в этих обоих направлениях жизненных процессов работу наших обоих влечений—влечения к жизни и влечения к смерти. Но мы не можем скрыть и того, что мы нечаянно попали в гавань философии Шопенгауэра, для которого смерть есть „собственный результат“ и, следовательно, цель жизни [1]), а сексуальное влечение воплощает волю к жизни.

Попробуем сделать смелый шаг дальше. По общему мнению, соединение многочисленных клеток в одну жизненную систему, многоклеточность организмов—стала средством к удлинению продолжительности жизни. Одна клетка служит поддержанию жизни другой, и клеточное государство может продолжать существовать, если даже отдельные клетки и должны отмирать.

---

[1]) Über die anscheinende Absichtlichkeit im Schiksale des Einzelnen. Grossherzog Wilhelm Ernst-Ausgabe, Bd. IV, S. 268.

Мы уже слышали, что копуляция, это временное слияние двух одноклеточных, влияет в сохраняющем и омолаживающем смысле на обе клетки. Посредством этого можно было бы сделать опыт: перенести выработанную психоанализом теорию либидо на взаимоотношения клеток друг к другу и представить себе, что именно жизненные или сексуальные влечения в каждой клетке берут другие клетки в качестве своих об'ектов, и их влечения к смерти, вернее, вызываемые этими влечениями процессы, частично нейтрализуются и, таким образом, сохраняют им жизнь, в то время, как другие клетки, в свою очередь, действуют также по отношению к первым, а еще новые жертвуют собой для выполнения этой либидинозной функции. Зародышевые клетки должны были вести себя „нарциссгически", как мы привыкли выражаться в учении о неврозах, если весь индивидуум сохраняет свое либидо в себе и ничего не расходует из него на внешние об'екты. Зародышевые клетки употребляют свое либидо, деятельность своих жизненных влечений, для себя самих, в качестве запаса для их последующей высоко творческой деятельности. Возможно, что и клетки злокачественных новообразований, разрушающих организм, нужно об'яснить в том же смысле нарциссгически. Патология склоняется к тому, чтобы считать их присхождение врожденным и приписывает им эмбриональные свойства. Таким образом либидо наших сексуальных влечений совпадает с эросом поэтов и философов, который охватывает всё живущее.

Здесь мы встречаем повод для обозрения постепенного развития нашей теории либидо. Анализ неврозов перенесения сначала побуждал нас подчеркнуть противоположность между сексуаль-

ными влечениями, которые были направлены на об'ект, и другими, весьма мало распознанными нами, и пока обозначенными, как „влечения Я“. Между ними, в первую голову, нужно указать на влечения, которые служат для самосохранения индивидуума. Трудно было установить какие еще другие подразделения нужно было внести сюда. Никакое знание не было столь важным для обоснования научной психологии, как приблизительное понимание общей природы и некоторых особенностей влечений, но ни в одной из областей психологии мы не действовали до такой степени в потемках. Каждый выставлял столько влечений, или „основных влечений“, сколько ему нравилось и распоряжался ими, как старые греческие натурфилософы своими четырьмя элементами: водой, землей, огнем и воздухом.

Психоанализ, не успевший выдвинуть какую-либо теорию влечений, примкнул сначала к популярному различению влечений, для которого прообразом были слова о „голоде и любви“. Это не было, по крайней мере, новым актом произвола. С этим мы обходились долгое время в анализе психоневрозов. Понятие „сексуальности“ и вместе с тем сексуального влечения должно было, конечно, быть расширено, пока оно не включило в себя многое, что не подчинялось функциям продолжения рода, и это наделало много шума в чопорных и лицемерных кругах.

Следующий шаг последовал тогда, когда психоанализ ближе подошел к психологическому понятию „Я“, которое сначала стало известным, как инстанция, вытесняющая, цензурирующая и способная к созданию защитительных реактивных образований. Критические и дальновидные умы уже давно, правда, восстали против ограничения

понятия либидо энергией сексуальных влечений, обращенных на об'ект. Но они позабыли сообщить, откуда они приобрели более верный взгляд, и не смогли извлечь что-либо нужное из этого для анализа. При дальнейшем развитии мысли психоаналитическому наблюдению бросилось в глаза, как постоянно либидо отклоняется от об'екта и направляется на само „Я“ (интроверзия) и, изучая развитие либидо у ребенка в его ранних стадиях, оно пришло к убеждению, что „Я“ и является собственным и первоначальным резервуаром либидо, которое лишь отсюда распространяется на об'ект. „Я“ выступило среди сексуальных об'ектов и признано было сейчас же самым важным между ними. Если либидо пребывало таким образом в „Я“, то оно называлось нарцисстическим [1]). Это нарцисстическое либидо было также выражением силы сексуальных влечений в аналитическом смысле, которые мы должны были отожествить с признанными с самого начала влечениями к самосохранению. Благодаря этому оказалась недостаточной первоначальная противоположность между влечениями „Я“ и сексуальными влечениями. Часть „влечений Я“ была признана либидинозной; в „Я“, вероятно, среди других, действовали и сексуальные влечения. Однако нужно все же признать, что старая формула гласящая, что психоневроз основывается на конфликте между „влечениями Я“ и сексуальными влечениями, не содержала ничего такого, что те-

---

[1]) См. Zur Einführung des Narzissmus.—Jahrbuch der Psychoanalyse. Bd. VI, 1914 и Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, IV. Folge, 1918. (Русск. пер., Психол. и Психоаналит. библиот. под ред. И. Д. Ермакова, т. VIII, 1924).

перь можно было бы отбросить. Различие двух видов влечений, которое с самого начала мыслилось качественно, теперь трактуется иначе, а именно, топически. В особенности, невроз перенесения, собственный предмет психоанализа, остается результатом конфликта между „Я“ и либидинозной привязанностью к об‘екту.

Тем более мы должны теперь подчеркнуть либидинозный характер влечений к самосохранению, ибо мы решаемся сделать следующий шаг,— а именно признать сексуальные влечения, как эрос, сохраняющий все, и вывести нарциcстическое либидо „Я“ из частичек либидо, которыми связаны друг с другом соматические клетки.

Теперь перед нами встает неожиданно следующий вопрос: если и влечения к самосохранению имеют либидонозную природу, то может быть, вообще, мы не имеем других влечений, кроме либидинозных. По крайней мере, никаких других мы не видим. Но тогда, нужно согласиться с критиками, которые с самого начала думали, что психоанализ об‘ясняет все из сексуальности, или с новыми критиками, как Jung, которые решили употреблять понятие либидо для обозначения вообще „силы влечений“. Не так ли?

Этот результат был во всяком случае не нашим намерением, мы скорее исходили из резкого разделения между „влечениями Я“-влечениями к смерти и сексуальными влечениями-влечениями к жизни. Мы были даже готовы считать так называемые влечения „Я“ к самосохранению—влечениями к смерти, от чего мы сейчас принуждены будем воздержаться. Наше представление было с самого начала дуалистическим, и теперь оно стало им еще резче, чем рань-

ше, с тех пор, как мы усматриваем противоположность не между „влечениями Я“ и сексуальными, а между влечениями к жизни и влечениями к смерти. Напротив, теория либидо Jung‘a монистична; нас должно было спутать то обстоятельство, что он назвал именем либидо единую „силу влечения“; однако, это не должно нас смущать больше. Мы предполагаем, что в „Я“ действуют еще другие влечения, кроме либидинозных влечений к самосохранению, но мы должны быть в состоянии их выявить. Остается пожалеть, что еще так мало развит анализ „Я“, что для нас так трудно это обнаружение. Либидинозные стремления „Я“ могут, во всяком случае, быть связаны особым образом с другими, для нас еще неизвестными „влечениями Я“. Еще прежде, чем мы познакомились с нарцизмом, в психоанализе существовало уже предположение, что „влечения Я“ привлекли к себе либидинозные компоненты. Но это еще довольно неточные возможности, с которыми противники едва ли могли бы считаться. Остается минусом, что анализ давал нам до сих пор возможность изучать только либидинозные влечения. Мы не можем, однако, сделать вывод, что других влечений не существует.

При современной неясности в учении о влечениях мы едва ли поступим хорошо, отвергнув какое-либо обстоятельство, обещающее нам разъяснение. Мы исходили из коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти. Сама любовь к об‘екту показывает нам другую такую же полярность между любовью (нежностью) и ненавистью (аггрессивностью). Если бы нам удалось привести обе эти полярности в соотношение друг с другом, свести одну к другой! Мы уже давно признали садистический компонент сек-

суального влечения [1]). Он, как мы знаем, может стать самостоятельным и главенствовать в качестве извращения всего сексуального влечения данного лица. Он выступает также в качестве доминирующего парциального влечения в одной из организаций, названных мною „прегенитальной“. Но как можно вывести садистическое влечение, которое направлено на причинение вреда об‘екту, из поддерживающего жизнь эроса? Не возникает ли здесь предположение, что этот садизм есть собственно влечение к смерти, которое оттеснено от „Я“ влиянием нарцисстического либидо, так что оно проявляется лишь направленным на об‘ект? Оно начинает тогда обслуживать сексуальную функцию; в стадии оральной организации либидо, любовное обладание совпадает с уничтожением об‘екта, впоследствии садистические стремления отделяются и, наконец, в стадии примата гениталий берут на себя, имея в виду цели продолжения рода, функцию проявлять насилие над сексуальным об‘ектом, поскольку этого требует совершение полового акта. Больше того, можно было бы сказать, что оттесненный из „Я“ садизм открыл путь либидонозным компонентам сексуального влечения: именно потому они начинают стремиться к об‘екту. Там, где первоначальный садизм не умеряется и не сливается с ними, получается амбивалентность любви—ненависти в любовной жизни.

Если такое предположение было бы допустимо, то было бы исполнено требование привести пример такого — хотя и вытесненного — влечения к смерти. Но определение это лишено всякой

[1]) Три статьи к теории сексуального влечения, Психол. и психоан. библиот., т. VIII, Гиз. 1923. (1-е немецк. изд.—1905).

наглядности и производит поэтому слишком мистическое впечатление. Мы приходим к необходимости найти выход из этого затруднения во что бы то ни стало. Здесь мы должны вспомнить, что такое предположение не ново, что мы уже раз сделали его прежде, когда еще не было речи ни о каком затруднении. Клинические наблюдения понудили нас в свое время сделать вывод, что дополняющее садизм парциальное влечение мазохизма следует понимать, как возвращение садизма на собственное „Я“[1]) Перенесение влечения с об‘екта на „Я“ принципально ничем не отличается от перенесения с „Я“ на об‘ект, о котором возникает как бы новый вопрос.

Мазохизм, обращение влечения против собственного „Я“, в действительности был бы возвращением к более ранней фазе, регрессом. В одном пункте данное тогда мазохизму определение нуждается в исправлении, как слишком исключающее; с чем я тогда пытался спорить—мазохизм мог бы быть и первичным[2]) влечением.

Однако вернемся к влечениям, поддерживающим жизнь. Уже из исследования о протистах мы узнали,

---

[1]) Ср. Три статьи к теории сексуальных влечений (цит. изд.) и „Влечения и их судьба“ (цит. библ., т. III).

[2]) В одной богатой содержанием и мыслями работе, к сожалению не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн, предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она обозначает садистический компонент сексуального влечения, как „деструктивное“ влечение (Destruktion als Ursache des Werdens, Jahrbuch für Psychoan. IV, 1912).

A. Stärcke (Inleiding by de vertraling, von S. Freud, de'sexuele beschavingsmoral etc. 1914) пытался в другом роде отожествить понятие либидо с теоретически предполагаемым биологическим понятием влечения к смерти (Ср. также Rank, Der Künstler). Все эти попытки, как и сделанные в тексте, показывают стремление к еще недостигнутой ясности в учении о влечениях.

что слияние двух индивидуумов без последующего деления, копуляция, влияет укрепляющим и омолаживающим образом на оба индивидуума, которые вслед затем отделяются друг от друга (см. выше Lipschütz). В последующих поколениях они не выявляют следов дегенеративности и кажутся способными дальше сопротивляться вреду, приносимому их собственным обменом веществ. Я полагаю, что одно это последнее должно служить прообразом и для эффекта соединения. Но каким образом приносит слияние двух мало различных клеток такое обновление жизни? Опыт, который заменяет копуляцию у Protozoa посредством влияния химических и даже механических раздражений (l. c.) позволяет дать достоверный ответ: это происходит посредством доставления новых количеств раздражения. Это хорошо согласуется с тем предположением, что жизненный процесс индивидуума из внутренних причин ведет к уравновешиванию химических напряжений, т.-е. к смерти, в то время как слияние с индивидуально-отличной живой субстанцией увеличивает эти напряжения, вводит так сказать новые жизненные разности, которые еще должны после изживаться. Для такого различия должны конечно существовать один или несколько оптимумов. То, что мы признали в качестве доминирующей тенденции психической жизни, может быть, всей нервной деятельности, а именно, стремление к уменьшению, сохранению в покое, прекращению внутреннего раздражающего напряжения (по выражению Barbara Low—„принцип нирваны“), как это находит себе выражение в принципе удовольствия— является одним из наших самых сильных мотивов для уверенности в существовании влечений к смерти.

Но мы все еще ощущаем чувствительную помеху для нашего хода мыслей в том отношении, что мы не можем доказать как раз для сексуального влечения такого характера навязчивого воспроизведения, который нас навел сначала на мысль о констатировании следов влечения к смерти; правда, область эмбриональных процессов развития весьма богата такими явлениями повторения, обе зародышевые клетки полового размножения и история их жизни суть сами только повторение начала органической жизни; но главное в процессах, возбужденных сексуальным влечением, есть слияние двух клеточных тел. Лишь посредством этого достигается бессмертие живой субстанции у высших живых существ.

Другими словами: нам надо, вообще, узнать о происхождении полового размножения и генезе сексуальных влечений—задача, которой стоящий в стороне должен испугаться, и которая до сих пор еще не разрешена специальными исследованиями. В теснейшем столкновении всех этих противоречивых данных и мнений, должно быть выявлено, какой вывод можно сделать из всего хода наших мыслей.

Одно определение придает проблеме размножения раздражающую таинственность: это—точка зрения, представляющая продолжение рода в качестве частичного проявления роста. (Размножение посредством деления, пускания ростков и почкования). Происхождение размножения посредством дифференцированных в половом отношении зародышевых клеток можно было бы, по трезвому Дарвиновскому образу мышления, представить так, что преимущества амфимиксиса, который получился когда-то при случайной копуляции двух протистов, заставили его удержаться в

дальнейшем развитии и быть использованным дальше [1]).

„Пол“ при этом оказывается не слишком древнего происхождения, и весьма сильные влечения, которые ведут к половому соединению,—повторяют при этом то, что случайно раз произошло и укрепилось, как оказавшееся полезным.

Здесь так же, как и при рассуждении о смерти, возникает вопрос, нужно ли признавать за протистами только то, что они открыто обнаруживают, или нужно принять, что у них возникают и те процессы и силы, которые становятся видимыми лишь у высших живых существ. Это упомянутое понимание сексуальности очень мало говорит в пользу наших мыслей. Против него можно было бы возразить, что оно предполагает существование влечений к жизни, действующих уже в простейшем живом существе, так как иначе копуляция, противодействующая естественному течению жизненных процессов и затрудняющая задачу отмирания, не удержалась бы и неподвергалась бы развитию, а избегалась бы. Если мы не стремимся оставить предположение о влечениях к смерти, нужно прежде всего присоединить их к влечениям к жизни. Но следует признать, что мы имеем здесь дело с уравнением с двумя неизвестными. Те данные, которые мы находим в науке относительно возникновения пола, так незначительны, что проблему эту можно

[1]) Хотя Weissmann (Das Keimplasma, 1892) отрицает это преимущество: „Оплодотворение ни в коем случае не означает омоложения жизни, оно представляет не что иное, как приспособление для того, чтобы сделать возможным смешивание двух различных наследственных тенденций“. Влиянием такого смешения он считает повышение вариаций живых существ.

сравнить с потемками, куда не проник ни один луч гипотезы. Совсем в другом месте мы встречаемся все же с подобной гипотезой, которая, однако, так фантастична, и, пожалуй, скорей является мифом, чем научным об'яснением,—что я не решился бы привести ее, если бы она как раз не удовлетворяла тому условию, к исполнению которого мы стремимся. Она выводит влечение из потребности в восстановлении прежнего состояния.

Я разумею, конечно, теорию, которую развивает Платон в Симпозионе устами Аристофана, и которая рассматривает не только происхождение полового влечения, но и его главнейшие вариации в отношении об'екта [1]).

„Человеческая природа была когда-то совсем другой. Первоначально было три пола, три, а не два как теперь, рядом с мужским и женским существовал третий пол, имевший равную долю от каждого из двух первых"... „Все у этих людей было двойным, они, значит, имели четыре руки, четыре ноги, два лица, двойные половые органы и т. д. Тогда Зевс разделил каждого человека на две части, „как разрезывают груши пополам, чтобы они лучше сварились...". „Когда, таким образом, все естество разделилось пополам, у каждого человека появилось влечение к его второй половине, и обе половины снова обвили руками одна другую, соединили свои тела и захотели снова срастись"[2]).

---

[1]) С немецкого перевода Rud. Kassner.

[2]) Я обязан проф. Heinrich Gomper'у (Вена) следующими об'яснениями происхождения мифа Платона, которые я частично привожу в его выражениях: „я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что эта же теория находится уже в существенном в Упанишадах Brihad-Aranyaka-

Должны ли мы, следуя намеку поэта-философа, принять смелую гипотезу, что живая субстанция была разорвана при возникновении жизни на маленькие частицы, которые стремятся к вторичному соединению посредством сексуальных влечений? Что эти влечения, в которых находит свое продолжение химическое сродство неодушевленной материи, постепенно через царство протистов преодолевают трудности, ибо этому сродству противостоят условия среды, заряженной опасными для жизни раздражениями, понуждающими к образованию защитного коркового

Upanishad, 1, 4, 3, (Deussen, 60 Upanischads des Weda S. 393), где описывается происхождение мира из Atmanc от „самого" или „Я") гласит: „Но он (Atman, сам или „Я") не имел радости, поэтому и никто не имеет радости, если он один. Тогда он возжелал о другом. Он был так же велик, как мужчина и женщина, если они обнялись. Это свое „Я" он разделил на две части: отсюда получились муж и жена. Поэтому тело в своем „Я" подобно половине, так именно об'яснил это Tajnavalkya. Поэтому эта недостающая часть восполняется женщиной". Brihad-Aranyaka-Upanischad самые старые из всех Упанишад. Никем из известных исследователей они не датировались позднее 800 года до Р. Х. Вопрос, была ли возможна какая-либо посредственная зависимость у Платона от этой индийской мысли, я не хотел бы решить в отрицательном смысле, в противовес господствующему мнению, так как такая возможность вовсе не должна быть обязательно об'яснена учением о странствованиях души.

Такая зависимость, переданная через пифагорейцев, вряд ли отняла бы что-либо от значительности этого совпадения мыслей, так как Платон не присвоил бы себе такое предание, принесенное ему с Востока, уже не говоря о том, что он не придал бы ему такого важного значения, если бы оно ему самому не показалось правдоподобным.

В одном из сочинений K. Ziegler'а—„Menschen und Weltenwerden" (Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum. Bd. 31, Sonderabdr.. 1913), которое занимается систематическим исследованием этой спорной идеи до Платона, она относится к вавилонским мифам.

слоя? Что эти разделенные частицы живой субстанции достигают, таким образом, многоклеточности и передают, наконец, зародышевым клеткам влечение к воссоединению снова в высшей концентрации? Я думаю, на этом месте нужно оборвать.

Но не без того, чтобы заключить несколькими словами критического размышления. Меня могли бы спросить, убежден ли я сам, и в какой мере, в развитых здесь предположениях. Ответ гласил бы, что я не только не убежден в них, но и никого не стараюсь склонить к вере в них. Правильнее: я не знаю, насколько я в них верю. Мне кажется, что аффективный момент убеждения вовсе не должен приниматься здесь во внимание. Ведь можно отдаться ходу мыслей, следить за ним, куда он ведет, исключительно из научной любознательности, или если угодно, как „advocatus diaboli“ который, из-за этого сам все же не продается черту.

Я не отрицаю, что третий шаг в учении о влечениях, который я здесь предпринимаю, не может претендовать на ту же достоверность, как первые два, а именно расширение понятия сексуальности и установление нарцизма. Эти открытия были прямым переводом наблюдений на язык теории связанными не с бо́льшими источниками ошибок, чем те, которые неизбежны во всех таких случаях. Утверждение регрессивного характера влечений покоится во всяком случае также на исследуемом материале, а именно на фактах навязчивого воспроизведения. Но я, может быть, переоценил их значение. Построение этой гипотезы возможно во всяком случае не иначе, как с помощью комбинации фактического материала с чистым размышлением, удаляясь при этом от непосредственного наблюдения.

Известно, что конечный результат тем менее надежен, чем чаще это делается в процессе построения какой-либо теории, но степень ненадежности этим еще не определяется. Здесь можно счастливо угадать, но и позорно впасть в ошибку. Так называемой интуиции я мало доверяю при такой работе; в тех случаях, когда я ее наблюдал, она казалась мне скорее следствием известной беспринципности интеллекта. Но, к сожалению, редко можно быть „беспартийным“, когда дело касается последних вопросов, больших проблем науки и жизни. Я полагаю, что каждый одержим здесь внутренне глубоко-обоснованными пристрастиями, влиянием которых он бессознательно руководствуется в своем размышлении. При таких основаниях для недоверия,—не остается ничего другого, как благожелательная сдержанность к результатам собственного мышления. Я только спешу прибавить, что такая самокритика не обязывает к особой терпимости по отношению к иным взглядам. Нужно неукоснительно отвергнуть теории, если анализ их первых шагов противоречит наблюдаемому, и все же при этом можно сознавать, что правильность выдвигаемой взамен теории, есть лишь временное явление. В оценке наших рассуждений о влечениях к жизни и смерти нам мало помешает то, что мы встречаем здесь, столько странных и ненаглядных процессов, как, например, то, что одно влечение вытесняется другим, или оно обращается от „Я“ к об‘екту и т. п. Это происходит лишь от того, что мы принуждены оперировать с научными терминами, т.-е. специфическим образным языком психологии (правильнее: „психологии глубин“ — Tiefenpsychologie). Иначе мы не могли бы вообще описать соответствующие процессы, не могли бы их даже по-

стигнуть. Недостатки нашего описания, вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменить физиологическими или химическими терминами. Они, правда, тоже относятся к образному языку, но к такому, с которым мы уже давно знакомы и который, пожалуй, более прост для нас.

С другой стороны, мы должны уяснить себе, что неточность наших рассуждений увеличивается в высокой степени вследствие того, что мы принуждены одолжаться у биологии. Биология есть поистине царство неорганических возможностей, мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий, и не можем предугадать какие ответы она даст нам на наши вопросы несколькими десятилетиями позже. Возможно, что как раз такие, что все наше искусное здание гипотез распадется.

Если это действительно так, нас могут спросить, к чему тогда приниматься за такую работу, какая проделана в этой главе и зачем сообщать о ней. Я не могу, однако, не сказать, что некоторые аналогии, сопоставления и зависимости казались мне все же заслуживающими внимания [1]).

---

1) В заключение здесь несколько слов о нашей терминологии, которая в течение этого изложения проделала известное развитие. Что представляют собой „сексуальные влечения“, мы знаем из отношения к полу и функции продолжения рода. Мы сохранили это название и тогда, когда были вынуждены данными психоанализа отвергнуть их обязательное отношение к продолжению рода. С указанием на существование нарциссического либидо и на распространение его на отдельную клетку, у нас сексуальное влечение превратилось в эрос, который старается привести друг к другу части живой субстанции и держать их вместе, а собственно сексуальные влечения выявились, как части эроса, обращенные на об'ект. Размышление показывает, что этот эрос действует с начала жизни и выступает, как „влечение к жизни“ в про-

VII.

Если действительно влечения обладают таким общим свойством, что они стремятся восстановить раз пережитое состояние, то мы не должны удивляться тому, что в психической жизни так много процессов осуществляется независимо от принципа удовольствия. Это свойство должно сообщиться каждому парциальному влечению и сказывается в таких случаях в стремлении снова достигнуть известного этапа на пути развития. Но все то, над чем принцип удовольствия еще не проявил своей власти, не должно стоять в противоречии с ним, и еще не разрешена задача определения взаимоотношения процессов навязчивого воспроизведения к господству принципа удовольствия.

тивовес „влечению к смерти", которое возникло с зарождением органической жизни. Мы пытаемся разрешить загадку жизни посредством принятия этих обоих борющихся между собой испокон века влечений. Менее наглядно, пожалуй, превращение, которое испытало понятие „влечений „Я". Первоначально мы назвали таким именем все малоизвестные нам направления влечений, которые удалось отделить от сексуальных влечений, направленных на об'ект, и поставили „влечения „Я" в противовес сексуальным влечениям, выражение которых заключается в либидо. Впоследствие мы подошли к анализу „Я" и нашли, что и часть „влечений „Я" — либидонозной природы и что они лишь избрали собственное „Я" в качестве об екта. Эти нарциссические влечения к самосохранению должны были быть теперь причислены к либидонозным сексуальным влечениям. Противоположность между „влечениями Я" и сексуальными превратилась в противоположность между „влечениями Я" и влечениями к об'екту—(те и другие—либидонозной природы). На ее место выступила новая противоположность: между либидонозными влечениями (к „Я" и к об'екту) и другими влечениями, которые обосновываются в „Я" и которые можно обнаружить в деструктивных влечениях. Размышление превращает эту противоположность в другую—между влечениями к жизни (Эрос) и влечениями к смерти.

Мы узнали, что одна из самых главных и ранних функций психического аппарата состоит в том, чтобы „связывать“ доходящие до него внутренние возбуждения, замещать царящий в них первичный процесс вторичным, превращать свободную энергию активности (Besetzungenergie) в покоющуюся (тоническую). Во время этого превращения еще нельзя говорить о возникновении неудовольствия: действие принципа удовольствия этим также не прекращается. Превращение совершается скорее в пользу принципа удовольствия: связывание есть подготовительный акт, который вводит и обеспечивает господство принципа удовольствия.

Отделим функцию и тенденцию одну от другой резче, чем мы до сих пор это делали. Принцип удовольствия будет тогда тенденцией находящейся на службе у функции, которой присуще стремление сделать психический аппарат вообще лишенным возбуждений или иметь количество возбуждения в нем постоянным и возможно низким.

Мы не можем с уверенностью решиться ни на одно из этих предположений, но мы замечаем, что определенная таким образом функция явилась бы частью всеобщего стремления живущего к возвращению в состояние покоя неорганической материи. Мы все знаем, что самое большое из доступных нам удовольствий, наслаждение от полового акта, связано с мгновенным затуханием высоко поднявшегося возбуждения. Связывание же внутреннего возбуждения составляло бы в таком случае подготовительную функцию, которая направляла бы это возбуждение к окончательному разрешению в наслаждении успокоением.

В зависимости от этого, возникает вопрос, могут ли чувства удовольствия и неудовольствия

происходить одинаково из связанных и несвязанных процессов возбуждения. Здесь обнаруживается с несомненностью, что несвязанные первичные процессы делают гораздо более интенсивными чувства в обоих направлениях, чем связанные, т.-е. вторичные процессы. Первичные процессы суть также более ранние по времени; в начале психической жизни не встречается никаких других, и мы можем заключить, что если бы принцип удовольствия не был действительным уже в них, он не мог бы проявляться в более поздних процессах. Мы приходим, таким образом, к тому, в основе далеко не простому, выводу, что стремление к удовольствию в начале психической жизни проявляется гораздо сильнее, чем в более поздний период, но более ограничено: тут должны образовываться частые прорывы. В более зрелый период господство принципа удовольствия обеспечено гораздо полнее, но сам он также мало избегает обуздания, как и все другие влечения. Во всяком случае, при вторичных процессах должно происходить то же самое, что и при первичных, а именно то, что вызывает возникновение удовольствия и неудовольствия при процессах возбуждения.

Здесь уместно бы заняться дальнейшим изучением. Наше сознание сообщает нам изнутри не только о чувствах удовольствия и неудовольствия, но также о специфическом напряжении, которое опять таки само по себе может быть приятным и неприятным. Будут ли то связанные или несвязанные энергетические процессы, которые мы посредством этого ощущения можем отличать одно от другого, или ощущение напряжения указывает на абсолютную величину или уровень активной энергии (Besetzung) в то время, как ряд удо-

вольствие—неудовольствие обозначает изменение величины этой энергии в единицу времени. Мы должны также заключить, что „влечения к жизни“ имеют больше дела с нашими внутренними восприятиями, выступая как нарушители мира, принося вместе с собой напряжения, разрешение которых воспринимается как удовольствие. Влечения же к смерти, как кажется, непрерывно производят свою работу. Принцип удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти: он сторожит вместе с тем и внешние раздражения, которые расцениваются влечениями обоего рода, как опасности, но совершенно отличным образом защищается от нарастающих извнутри раздражений, которые стремятся к затруднению жизненных процессов. Здесь возникают бесчисленные новые вопросы, разрешение которых сейчас невозможно. Необходимо быть терпеливым и ждать дальнейших средств и возможностей для исследования. Также надо быть готовым оставить ту дорогу, по которой мы некоторое время шли, если окажется, что она не приводит ни к чему хорошему. Только такие верующие, которые от науки ожидают замены упраздненного катехизиса поставят в упрек исследователю постепенное развитие или даже изменение его взглядов. В остальном относительно медленного продвижения нашего научного знания пусть утешит нас поэт (Rückert в Makamen Hariri):

До чего нельзя долететь, надо дойти хромая.

. . . .

Писание говорит, что вовсе не грех хромать.
